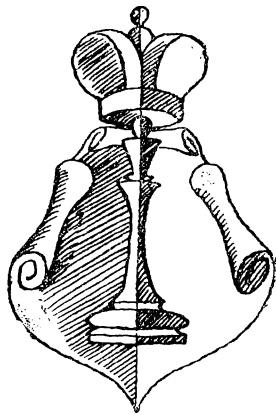

ПЕТРОНИЙ ГАЙ АМАТУНИ
ТРЕБУЕТСЯ ^ККОРОЛЬ

**Внучке моей —
Аделине Гениевской**

ПЕТРОНИЙ ГАЙ АМАТУНИ

ТРЕБУЕТСЯ КОРОЛЬ

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977

Художник П. П. Садков

- A61 **Аматуни П. Г.** Требуется король. Сказочная повесть. Художник П. П. Садков. Ростов, Кн, изд-во, 1977.

104 с. с ил.

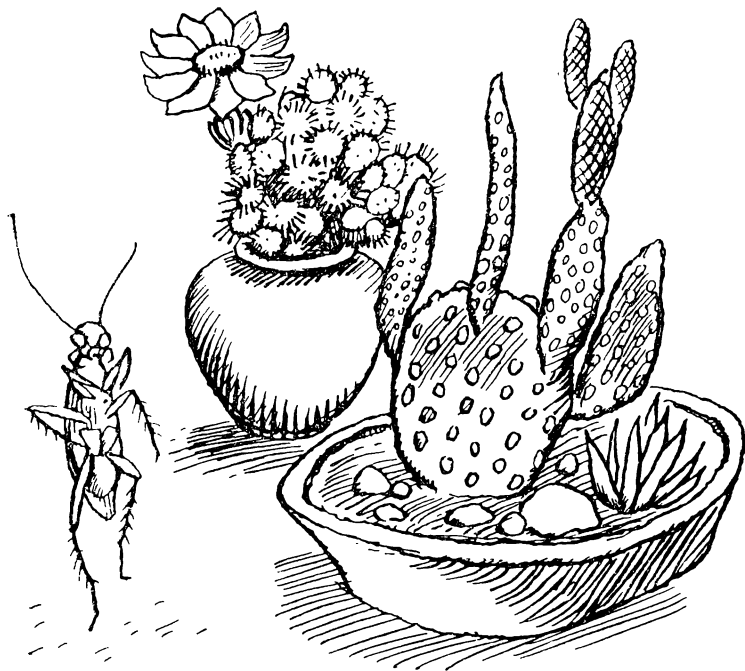
Действие повести происходит в шахматной стране Восемью Восемь и... во внутреннем мире обыкновенного мальчишки-пятиклассника.

Как и положено в сказке, на долю ее героев — пионера Василько, гроссмейстера Венивидивицина, волшебного-электронного колобка Аиньки—и даже самого автора выпадает множество приключений: веселых и невероятных, опасных и не очень.

Но, пожалуй, главным героем сказки является... фантазия читателя.

А $\frac{70802-033}{M 156(03)-77}$ 51—77

P2

**ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой обязательно что-нибудь происходит**

У меня сегодня непутевый день: то и дело присаживаюсь к столу, а не придумаю ни слова. Вот уж и вечер, а толку никакого. Хорош писатель, нечего сказать!

И все оттого, что я никогда не сочиняю небылиц, а привык рассказывать лишь о том, что видел сам либо услышал от людей, заслуживающих доверия.

Закуриваю от огорчения и пускаю по столу густую завесу табачного дыма. Вдруг кто-то как зачихает, как закашляет, и из-за высокой круглой пепельницы выходит... таракан с длинными усами и покачивается, словно лодочка.

Тут я его, голубчика, и накрыл ладошкой.

— А, — говорю, — попался! Будешь знать, как подслушивать да подсматривать!..

Таракан долго вздрагивал от кашля, наконец пришел в себя немного и сипло проговорил:

— Я вовсе не собирался шпионить... кхе-кхе!.. У меня к вам серьезное дело, Петроний Гай. А вы... Признаюсь, такого приема я не ожидал... кхе-кхе! Что за причина — курение? Если вам это нравится, оставляйте дым в себе и не отравляйте окружающих...

— А кто ты такой, что смеешь мне указывать?

— Меня зовут Блаттелла, — представился таракан. — Я заведу Справочным бюро Восемью Восемь.

— Это еще что за штука?

— Как?! — удивился таракан. — Вы не знаете?

Тут мне стало неудобно, и я, хлопнув себя по лбу, воскликнул:

— Ну как же!.. За кого вы меня принимаете? Разумеется, я знаю, что такое Семью Семь...

— ...Восемью Восемь, — поправил Блаттелла и продолжал окрепшим голосом: — Осмелюсь довести до вашего сведения, что тараканы водятся на Земле более трехсот миллионов лет; нас насчитывается две тысячи пятьсот видов. Мы вездесущи, храбры и настойчивы. Только Дед Мороз побеждает нас!

— Насчет вездесущности это вы верно заметили, — согласился я и слегка отогнул ладонь, чтобы дать собеседнику глотнуть свежего воздуха. — От вас невозможно избавиться.

— Не потому ли, — с горечью возразил Блаттелла, — медики буквально стирают нас в порошок, используя его как целебное средство от водянки? Начиняют пилюли для лечения больных коклюшем и еще—до чего дошло! — изготовляют мазь против бородавок и чиряков... Ужас!!!

— Что поделаешь, — смущенно пробормотал я, — надо же заботиться о больных людях.

— Но не за счет тараканов! — возмущенно воскликнул Блаттелла. — Наше счастье, что мы почти неуловимы — иначе всех нас растащили бы по аптекам.

— У вас, милейший Блаттелла, кажется, имеется ко мне просьба? — напомнил я, не желая продолжать неприятный разговор.

— Видите ли, — после небольшого раздумья решил я Блаттелла, — я написал статью о возможности использования тараканов при отборе кандидатов в детские спортивные школы...

— Забавно!

— Ничуть. Ведь на этих экзаменах особое значение придается ловкости и сноровке детей, не так ли?

— Несомненно.

— А я утверждаю: если испытуемый сумеет за неделю поймать трех тараканов (разумеется, не причинив им телесных повреждений), такого молодца можно рекомендовать хоть в космонавты.

— Гм...

— Но я впервые взялся за перо и потому не обольщаюсь... Прошу вас внести в мою статью возможные стилистические поправки, не вторгаясь, однако, в научную суть моих рассуждений...

— Понятно, — кивнул я. — К тому же я знаком с главным редактором одного журнала и смогу замолвить за вас словечко.

— Ни в коем случае! — обиделся Блаттелла. — Я прошу лишь небольшой творческой помощи. В конце концов, я смогу пригрозить редактору, что, если он не опубликует мою статью, тараканы не дадут ему житья.

— Хитрец! — восхитился я. — Вот бы и мне такой убедительный довод!.. Но, Блаттелла...

— Слушаю вас.

— И у меня есть просьба.

— Ко мне?!

— Да. Услуга за услугу... Я, знаете ли, тоже пописываю. Но, не в пример вам, далек от науки.

— Это чувствуется, — подтвердил Блаттелла, — иначе вы не курили бы.

— Мне больше нравятся сказки...

— Когда вы пишете, — прервал Блаттелла, — я иногда нахожусь неподалеку и невольно читаю...

— Даже так! Что же вы скажете о моих произведениях?

— Я не критик, — замялся Блаттелла. — И все же одно несомненно: вы мало знаете нашу жизнь, а отсутствие тараканьей темы обедняет творчество любого писателя!

— Понимаю вас. Но если другие наполняют сказки вымыслами, то я пишу только о том, что знаю. Жизнь тараканов для меня — тайна.

— Заметил и оценил, — одобрительно произнес Блаттелла. — Более того, вы еще и лишены чувства юмора. Вот почему я доверяю вам свою серьезную статью. Так какая у вас ко мне просьба, уважаемый? Не стесняйтесь.

— Да вот, Блаттелла, сегодня у меня непутевый день: как видите, бумага — все еще словно январский снег... Раньше я не выносил одного вида чистой страницы и немедленно заполнял ее строками. А теперь в голову не приходит ничего интересного, будто она на замке! Так не разрешите ли, Блаттелла, описать наше знакомство? Так сказать, для начала, как первое зернышко. А потом — глядишь — и урожай соберем!

— Пишите, — махнул лапкой Блаттелла. — Как это вы остроумно сказали? «Услуга за услугу»? Надо запомнить.

— Большое спасибо, дружище!

— Пожалуйста. Если угодно, я могу предложить вам целый мешок «зерна»...

— Не говорите загадками, Блаттелла!

— Готовы ли вы следовать за мной? Сейчас.

— Гм... Моя норма — две страницы в день, а сегодня еще ни строки, Блаттелла. Да ваша статья на очереди... Надо же ее выправить. Тому, кто не умеет закончить одно дело, не стоит браться за второе... Не так ли?

— Ах, да, статья... Ну, тогда вот что: когда выкроите свободное время, произнесите: «**Инутама, инутама, акчолё!**» — и мы встретимся... в одном волшебном месте. Идет?

— По рукам, Блаттелла. Но как же я буду править вашу статью? У меня нет микроскопа.

— Не беда. Скажете «макси» — и рукопись станет удобного для вас размера; потом произнесете «мини» — и она вновь уменьшится. Желаю вам творческих успехов!

— Спасибо еще раз, Блаттелла.

— До встречи... — поклонился таракан.

Его крепкий череп блеснул в лучах настольной лампы, и мы расстались.

Помяв пальцами сигарету, я отложил ее в сторону и взялся за перо. Мгновение спустя оно помчалось с такой скоростью, что бумага под ним задымилась от трения...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Василько с улицы Буратино

1

Утром я принялся за статью Блаттеллы. Произнес «макси», и крохотная стопка бумаги превратилась в обычную тетрадку, исписанную мелким, но разборчивым почерком.

«Жизнь, — писал таракан, — это бесконечные экзамены: легкие, если ты знаешь то, что сдаешь, и трудные, если на уроках глазел по сторонам.

Но суть одна: не доверяй кому-либо сдавать за себя; при успехе все равно пользу извлечет он, а не ты; при неудаче — в первую очередь не повезет тебе.

Это и есть моя МЫСЛЬ № 1.

Далее. Если ты близок к цели, все равно помни, что твой путь состоит из отрезков еще меньших; засыплешься на любом из них — и цели не видать...

Это и есть моя МЫСЛЬ № 2.

МЫСЛЬ № 3.

Двойку схватить проще, чем заработать пятерку. Но нельзя жить на пятерку, имея двойки.

Не веришь — испытай!»

Особенно понравилась мне следующая мысль Блаттеллы, № 4:

«Только волшебство дает возможность сразу осуществить твою мечту.

При этом есть правила:

а) то, что ты сделаешь сам, может превзойти волшебное (сравни: ковер-самолет и Ту-144);

б) но волшебство быстрее: вжик — и готово, а самому — мороки не оберешься (сравни: ковер-самолет появился раньше Ту-144);

в) ошибается тот, кто надеется пользоваться волшебством безвозмездно, просто так, за здорово живешь, потому что нет выигрыша без проигрыша.

Сомневаешься — проверь!»

После этих рассуждений Блаттелла перешел к обоснованию возможности использования тараканов при отборе кандидатов в детские спортивные школы.

Доводы его были безупречны, язык краток и грамотен. Не прошло и двух часов, как я завершил работу.

2

Но тут раздался звонок. Я открыл дверь и увидел молодого лейтенанта милиции. Среднего роста, широкоплечий, розовощекий и голубоглазый, светловолосый.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я начальник Отдела Таинственных Случаев нашего района. Алексей Петрович Воронов.

— Здравствуйте. Заходите...

Он быстро снял плащ, и мы прошли в кабинет.

— Сегодня утром, — сказал Алексей Петрович, — по дороге в школу номер сто исчез пятиклассник Василько с улицы Буратино. Вот его фотография.

— Увы, — ответил я, посмотрев на физиономию вихрастого веселого парнишки со вздернутым носом и ямочками на щеках, — я не знаю его. Притом таких мальчишек в нашем городе немало...

— То-то и оно! — вздохнул Алексей Петрович.

— Очень жалею, что пропал мальчик...

— Не пропал, а исчез! — тут же уточнил Алексей Петрович.

— Как это — исчез?

— Очень просто: растаял в воздухе, и все! Один портфель остался.

— Вы уверены?

— Есть свидетели! Кроме того, я уже кое-что расследовал. Школа недалеко — побывал в ней. Беседовал и дома с родственниками, с соседями. И вот...

— Но я-то чем могу помочь?

— Вы же сказочник.

— Ну и что?

— У вас, наверное, обширные связи в волшебном мире?

— Вы предполагаете, что тут не обошлось без этого?..

— Уверен!

— Расскажите, пожалуйста, только по порядку и подробнее, все, что вам известно, Алексей Петрович.

Вот что я узнал от него...

3

Василько имел двух дедов, двух бабушек и, конечно, отца с матерью. Жили они все в одном доме, но на разных этажах. Не было только у него ни братьев, ни сестер.

Ученые давно установили, что детей приносят аисты, а последнее время в нашем городе так изменился климат в худшую сторону, что аисты частенько стали пролетать мимо. Вот и появились семьи с одним ребенком.

Но Василько не огорчился, потому что все ласки взрослых доставались только ему.

А с некоторых пор (прошу читателя обратить особое внимание на это обстоятельство), с некоторых пор в их семье стало твориться нечто необъяснимое.

Едва утром заголосит будильник — дед Гордей тут как тут. Расстилает коврик, включает радио и делает зарядку... вместо внука!

Тем временем бабушка Меланья готовит завтрак, дед Иван собирает тетрадки и учебники, а бабушка Федосеевна умывает, расчесывает и одевает нашего героя.

(Родители уходят на работу совсем рано, а возвраща-

ются, когда уже все спят, так что Василько видится с ними лишь в воскресенье, а то и они помогали бы ему).

Потом все садятся за стол.

Поскольку аппетит у Василько неважный, деды громко требуют добавки и съедают по два завтрака и обеда и по полтора ужина, чтобы вдохновить внука.

Затем начинается рабочий день.

Пока Василько в школе, дед Иван тренируется по математике, истории и ботанике, а дед Гордей—по русскому и английскому языкам и литературе.

После обеда Василько дремлет, «по шестьдесят минут на зрачок», как он говорит, а деды готовят ему уроки.

Затем Василько проверяет, как выполнили деды его задания, и включает телевизор. Подождет, пока диктор скажет ему «спокойной ночи», и снова на боковую.

Как видите, дела у него с некоторых пор (заметьте!) пошли недурно, и Василько зажил в свое удовольствие.

4

И все бы ничего, кабы не зачеты да экзамены. Кто их только выдумал!

Ведь любая оценка фактически раскладывалась на семейный коллектив, и на долю каждого приходилось совсем немножко, даже с пятерки.

Долго ли могло так продолжаться?!

Однажды вызывает Василько математичка Надежда Ивановна к доске, дает учебник и говорит:

— Открой задачу номер триста семьдесят пять.

— Нашел.

— Прочти условие и реши на доске методом уравнения.

— Так вы вчера объясняли нам этот материал.

— А сегодня я хочу проверить, как ты его усвоил.

— Неужели вы сомневаетесь в том, что объясняли понятно?!

— Не хитри, Василько! Я хочу, чтоб и ты не сомневался!

Делать нечего, взял Василько мел и такого наворочал,

что весь класс ахнул. Так Василько честно схватил свою первую двойку.

И сел на место.

А соседом у него был Митька Филателист (он собирал марки, и потому его так прозвали)—круглый отличник, гордость класса.

— Эх, ты, — шепнул Филателист. — Не смог простую задачку решить!

— Да чего-то не хотелось, — отмахнулся Василько. — Настроение неважное...

— Жрать ты здорово стал,—заметил Филателист.— Пузо-то вон какое отрастил: будто пушбол проглотил... С чего ж оно будет, настроение?..

— Митя, — вызвала теперь его Надежда Ивановна, — выйди к доске. Тебя я попрошу решить задачу на вольную тему — какую захочешь...

— Я, Надежда Ивановна, — бойко затараторил Филателист, — так расстроен сейчас провалом Василько, что невольно подумалось: а ну как другие последуют его примеру? Даже ногу закололо вот в этом месте!

— Видите, дети, как переживает человек? Ну, что ж, тогда в следующий раз...

— Нет-нет, — запротестовал Филателист, — я и сейчас... Что поделаешь — надо!

Волоча ногу, Филателист подковылял к доске, взял мел и начал решать задачу «на вольную тему».

— Допустим, — сказал он и ехидно оглянулся на Василько, — в нашем городе сто школ. По десять классов. Итого тысяча... В учебном году — возьмем наименьшее число — двести дней. Перемножим, и получаем двести тысяч классных дней...

— Ого! — воскликнул Василько, увлекаясь рассуждениями приятеля.

— И допустим еще, — продолжал Филателист, — что ежедневно в каждом классе свой Василько...

Ребята засмеялись, а Надежда Ивановна нахмурилась.

— Нехорошо переходить на личности, Митя.

— Не буду, Надежда Ивановна, — покорно согл

ся Филателист, уже сделавший, однако, свое черное дело. — Допустим, что, как и сегодня у нас... — он снова глянул в сторону Василько, — в каждом классе кто-нибудь, тоже из числа нерадивых, схватит всего одну двойку. За год только по нашему городу это составит двести тысяч двоек.

Уже и Надежда Ивановна заинтересовалась его расчетами. Только Василько отвернулся, но продолжал прислушиваться.

— И допустим еще, — говорил Филателист, — что каждая двойка произошла от того, что кто-то отвлеклся на одну минуту. Это составляет двести тысяч потерянных минут... Делим на сорок пять, получается четыре тысячи четыреста сорок четыре «пустых» урока. По пять уроков в среднем — и это составит... восемьсот восемьдесят восемь классных дней. Все равно что четыре с половиной класса в городе целый год не занимались вообще...

Все аплодировали Филателисту, смотревшему теперь на Василько с видом победителя.

— Чему вы радуетесь? — удивилась Надежда Ивановна.

— Мы не двоечникам, Надежда Ивановна! — вскочила Маша Алексеева. — Здорово додумался Фила... простите, Митя! Как это у него получилось!..

— Хорошо, — кивнула Надежда Ивановна. — Тогда я даю задание всему классу: проверьте дома эти расчеты...

— А пусть он решит мою задачу! — громко сказал Василько, и все почему-то стихли.

— Пожалуйста, — пожал плечами Филателист, стер свои записи с доски и снова взялся за мел. — Значит, так...

Не стану приводить, друзья мои, саму задачу; любой из вас разделается с нею запросто. А вот Митька Филателист понес такое, что Василько и тот захохотал.

— Не торопись, Митя, подумай, — сказала Надежда Ивановна.

Но как ни старался Филателист — задачу решить не мог.

Удивленная Надежда Ивановна вынуждена была пойти и ему двойку...

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Василько, — теперь, по твоим подсчетам, одна из школ в городе почти полностью работает впустую! Ты да я...

Митя покраснел до слез и молча вернулся на свое место.

5

Утром следующего дня по дороге в школу Василько встретился с Митей на площади Трех птиц. Поздоровались. Василько явно был не в духе и выглядел неважно.

— Ты чего? — спросил Митя. — Двойку переживаешь? Плюнь и разотри! В жизни всякое бывает...

Василько промолчал.

По дороге Митя первый заметил (на доске Горсправки) странное объявление. На небольшом листе бумаги разноцветными буквами было красиво написано:

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ КОРОЛЬ!

ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ ОБЩЕЖИТИЕМ,

ОБМУНДИРОВАНИЕМ И ПИТАНИЕМ БЕСПЛАТНО.

ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО ТЕЛЕФОНУ 6-19-47

— Ля! — воскликнул Митя. — Во чудаки!.. Ну, кто это мог сочинить? Не иначе — тронутый...

Василько глянул и задумался.

— Филателист, — виновато произнес он. — Это я на-
натворил...

— Объявление вывесил?!

— Да нет. Что ты двойку схватил.

— Брось, Василько, при чем здесь ты? На меня тогда вроде затмение нашло...

— Нет, Филателист, я виноват! Прости меня.

— Ты что, приболел? А?

— Мучаюсь я теперь, пойми. А может, и болею... Божись, что никому не скажешь.

Митька Филателист всмотрелся в лицо приятеля, потом глаза у него загорелись от предчувствия тайны, и он поклялся:

— Ваше мнение? — спросил Воронов, кончив свой рассказ.

— Теперь и мне сдается, что тут дело не без этого, — согласился я.

— Поможете нам?

— Попытаюсь, хотя в успехе не уверен...

— Ну, понятно! Вот вам мой телефон: если что прояснится — позвоните.

— Хорошо, Алексей Петрович.

Проводил я его уже с каким-то нетерпением. Оделся, негромко произнес: «**Инутама, инутама, акчолё!**» — и... исчез из дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Восемью Восемь

1

Удобная штука — волшебный транспорт: вжик — и ты уже на месте! Вот только по пути ничего не рассмотришь: не успеешь...

А на этот раз я даже не знал, где окажусь: просто доверился Блаттелле и всё. «Не может быть, — решил я, — чтоб такой воспитанный таракан завлек меня в опасное место».

Осмотрелся я и вижу, что нахожусь на дне глубокого ущелья, сжатого горами. Левый склон скалистый, голый, а правый порос диким орешником. И быстрая речка под ним шумит.

Стою я перед двумя высоченными скалами, а в них стометровые кони высечены, только наподобие шахматных. Между скалами — узкий проход, вдали виднеется веселая яркая толпа. «Туристы», — решил я почему-то.

Вдруг они устремились ко мне: фоторепортеры и киношники снимают на пленку, телеоператоры ловят меня в объектив, журналисты микрофоны свои протягивают...

— Ваше имя!

— Возраст!

— Профессия!...

— Поздравляем вас!!!

Не иначе как произошла ошибка. Вероятно, ожидали какую-то знаменитость, и я появился некстати. Мне стало неудобно. А скрыться некуда. Тут наступила тишина, и все во мне похолодело. «Ну, — думаю, — прощай родной город и друг мой художник Петр Петрович, не видать мне вас больше...»

Вдруг расступаются все, и выходит наперед стройная молодая женщина. На ней длинное черно-белое платье в шахматную клетку. На волнистых темных волосах — бриллиантовая корона. Лицо красивое, удлинненное, темноглазое и, что я сразу отметил про себя, приветливое.

Улыбается и обе руки мне протягивает.

— Я, — говорит, — покровительница шахмат Каисса... Приветствую миллионного гостя этого года в моей столице Восемью Восемь.

Только теперь я догадался, что попал в то самое место, о котором говорил Блаттелла. Ведь на шахматной доске восемь рядов по восемь клеток, вот оно и получается — Восемью Восемь...

«Эх, — думаю, — повезло-то как: кто же из нас шахмат не любит?!»

Идем с Каиссой, и тысячи ценителей шахматного искусства приветствуют нас.

Помахал я им для приличия, и мы свернули вправо, в Аллею Чемпионов мира. Золотые статуи (чемпионок — слева и чемпионов — справа) ослепительно сияют под ярким солнцем. Я радуюсь знакомым лицам — ведь большинство чемпионов мои земляки, советские люди!

Выходим на обширную площадь. Она заполнена разъяренными шахматистами. В центре — высокий помост, будто сложенный из больших шахматных досок.

На помосте палач в красном спортивном костюме и черной маске сечет плетью бесштанную фигуру, лежащую на широкой скамье.

Только отстегал как следует, а уже волокут следующую жертву.

— Что это? — с дрожью в голосе спросил я у Каиссы.

— Это наказывают подсказчиков — злейших врагов шахматистов... — равнодушно ответила она, а у самой глаза вспыхнули весельем. — С ними следует расправляться только так; уговоры тут бессильны. Подсказчику — первый кнут!

Отлегло у меня на сердце. Что верно — то верно: сами знаете, как неприятно, когда кто-нибудь бубнит над ухом, подсказывает тебе ход, да к тому же, как правило, неудачный.

— Так им и надо! — громко заметил я, а про себя слово дал: никогда больше не подсказывать.

2

Мы вышли на зеленую лужайку к вертолету, тоже окрашенному под шахматную доску. Каисса жестом приглашает меня в кабину и говорит:

— Сегодня вам вдвойне повезло: увидите кое-что новое в нашей шахматной столице.

Она заняла левое, командирское, кресло, а я сел рядом.

Заработал двигатель, вертолет поднялся в воздух.

3

Сверху открылась удивительная панорама. Столица Восемью Восемь располагалась в зеленой долине, ограниченной с двух сторон лесистыми горами, на склонах которых пестрели альпийские цветы, а на вершинах местами лежал снег.

Всю долину как бы разделяла на две неравные части быстрая пенистая речушка с каменистым дном.

На правом берегу, то есть под нами, — сам город. Там и тут виднелись многоэтажные гостиницы, стадионы, парки, ярко блестели озера, окруженные уютными домиками. Проплыла телевизионная башня в виде трехсотметрового ферзя — самой сильной фигуры в шахматной партии; в начале игры он стоит рядом с королем.

За телебашней — огромное здание с колоннами и двухскатной крышей.

— Наш музей, — пояснила Каисса. — Там хранятся шахматные фигуры из Древнего Египта, Индии и многих других стран. Есть шахматы для игры в космическом корабле, под водой, на воде, из дерева и кости, металла и камня... А вон, у подножия горы, видите?..

— Прозрачные корпуса?

— Это наш научно-исследовательский институт и лаборатория. Но главное — на том, левом берегу, в Долине Борьбы.

Вертолет пересек реку, и Каисса уменьшила высоту. Тут раскинулся и вовсе необыкновенный край.

Насколько было видно, вдоль левого берега реки ровной линией расположились шахматные квадраты с белыми и черными полями.

А позади квадратов (если смотреть со стороны речки, конечно) стояли шатры — белые, алые, синие, зеленые.

Между ними виднелись составленные в пирамиды старинные ружья, солдатские барабаны, медные горны.

Тут и там дымили костры, а над огнем висели котлы либо жарились на вертелах целые бараньи и свиные туши.

На одних квадратах пусто, на других выстраиваются армии белых и черных, а кое-где идут шахматные сражения.

Вертолет еще немного снизился, и тут я сообразил, что все шахматные фигурки... живые!

Пешки — это солдаты в старомодной форме; кони — тоже живые, с лихими всадниками-гусарами; на спинах слонов, под яркими балдахинами, — полунагие смуглотелые погонщики, а ладьи — самоходные башни, как мне показалось, пластмассовые.

Ферзи напоминали маршалов со множеством орденов и медалей. Короли же, белые и черные, — в золотых и серебряных коронах, в горностаевых мантиях, бородатые и величественные, как в сказках.

Особенно оживленно было возле квадрата № 1001: Каисса сделала над ним вираж, и я отчетливо увидел на светлой плите этот номер.

Здесь тоже киношники и журналисты, с десятков телевизионных камер, а когда Каисса заканчивала круг — внизу поднялась ужасная суматоха: все устремились к берегу, пешки расхватили свои ружья, те, кто играл на дальних квадратах, отложили партии.

Каисса удовлетворенно кивнула, что-то сказала по радио и плавно пошла на посадку на правый берег, оказавшийся выше левого.

Здесь были устроены трибуны, а как раз напротив квадрата № 1001, под алым тентом, виднелся черно-белый трон.

Позади, шагах в десяти, — асфальтированная площадка с белым кругом. На нее мы и приземлились — сперва на левое колесо, потом на правое, а потом уж на переднее, как и положено.

Каисса выключила двигатель, и я помог ей выйти из машины.

Девочки в белых платьях и мальчики в черных костюмчиках встретили Каиссу розами и гвоздиками.

Церемониймейстер, в черном фраке, в высоком блестящем цилиндре, с пышным белым бантом на худой загорелой шее, склонился перед нею в глубоком поклоне, почтительно коснулся губами ее руки и проводил к трону.

— Да здравствует повелительница шахмат! — кричали в толпе гостей. — Ура Каиссе!...

В этом торжественном шуме и гаме я стоял, вконец растерявшийся, и не знал куда себя деть. Выручил церемониймейстер.

Он важно подошел ко мне и прокричал на ухо:

— Меня зовут Цирлих-Манирлих... Ее величество приглашает вас — миллионного гостя... Вы удостоены высокой чести и можете сидеть на первой ступеньке ее трона!

— С удовольствием...

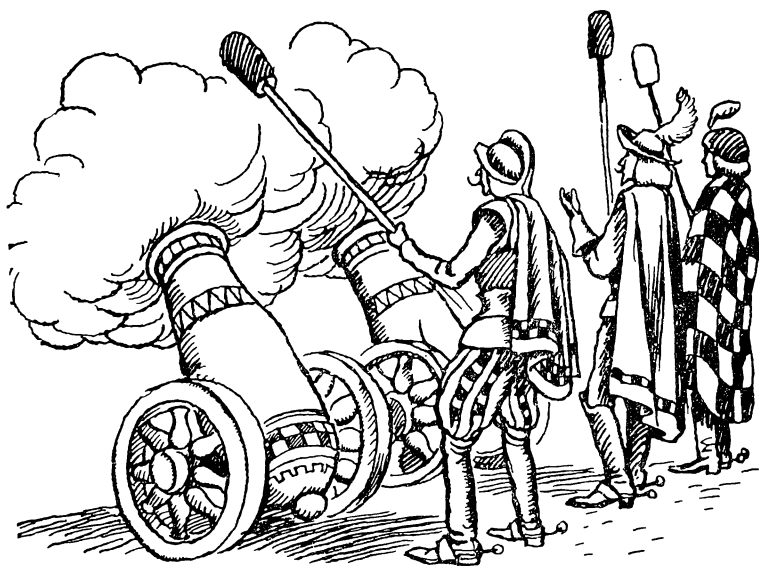
На верхней ступеньке трона лежала кем-то приготовленная подушечка, и Каисса дружески указала мне на нее.

Держалась она с достоинством, но просто, а когда у нее просили автограф, исполняла просьбу без всякого жеманства.

— Ни одна повелительница не имеет столько верных подданных, как она, — шепнул мне на ухо Цирлих-Манирлих. Уже наступала тишина, и он, видимо, торопился досказать свою мысль. — Сами знаете: люди разных возрастов во всех странах любят шахматы... Одно за другим рушились королевства и царства, но шахматная столица Восемью Восемь только расширяется и укрепляется. И будет жить вечно!... Извините, ее величество подает мне знак начинать...

Он размеренным шагом подошел к микрофону, установленному на треноге, и взмахнул платочком.

На зеленую лужайку вышли шестьдесят четыре (по числу клеток на шахматной доске!) фанфариста в черных и белых одеяниях, в бархатных беретах с помпончиками; они походили на средневековых пажей.

Взметнулись серебряные трубы, и в свежем горном воздухе прозвучали вступительные аккорды фанфарного марша.

— Дорогие гости, — начал свою речь Цирлих-Манирлих. — Как вы знаете, только в шахматных сражениях участники борьбы не погибают, а лишь на время покидают поле битвы, готовые играть затем в следующей партии. Но недавно нас постигло несчастье: в армии черных квадрата номер тысяча один... умер король!

Все встали и, склонив головы, почтили память покойного минутным молчанием.

— Это тем более огорчительно, — продолжал церемониймейстер, — что у нас имеются резервные пешки и все фигуры... Все, кроме короля! Вы спросите: почему? Я отвечу: если обычно шахматисты повелевают своими фигурами, то у нас игроками являются сами короли... Они ведут игру и одновременно участвуют в ней! Но шахматная армия не может оставаться без короля... Вот почему ее величество Каисса бросила клич: «Требуется король!». Долгое время не находилось желающих, а мы не скоро поняли, что это

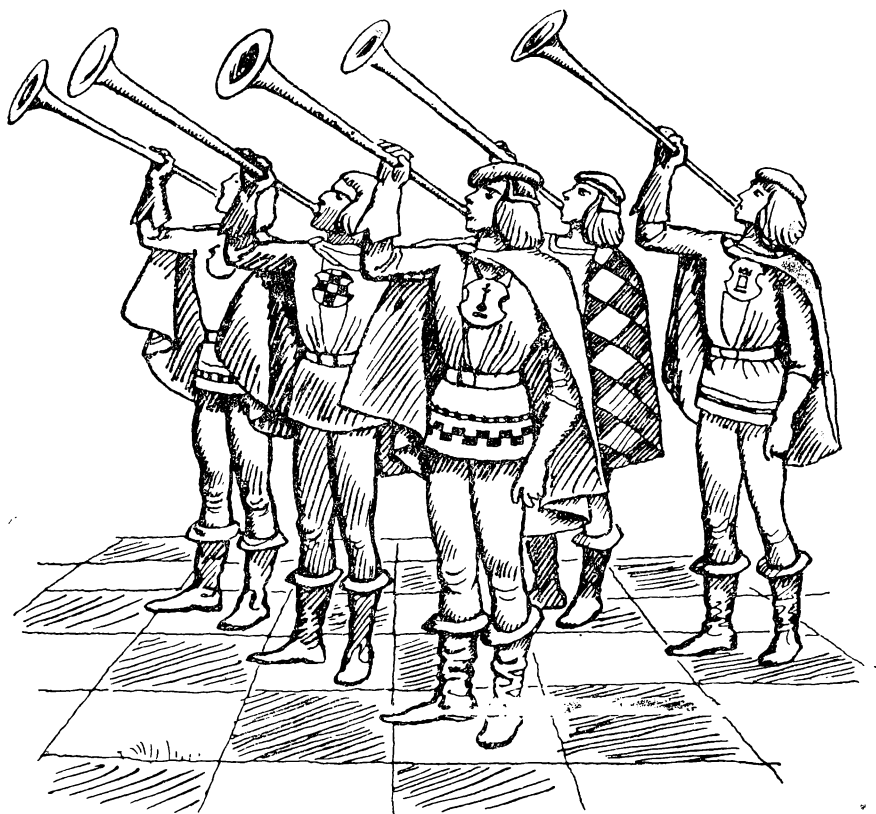
произошло по вине писаря, который забыл указать, что требуется не простой, а шахматный король... Но не успели мы исправить досадную ошибку, как желающий нашелся...

— Ура!!! — закричала многотысячная толпа.

Цирлих-Манирлих поднял руку, давая понять, что он еще не все сказал, и мало-помалу порядок восстановился.

— Новый король пожелал остаться неизвестным, — сказал церемониймейстер. — Мы знаем, что скромность свойственна всем настоящим шахматистам... Сегодня король черных тысяча один примет парад соседних армий и доставит нам наслаждение в шахматной борьбе!

Он снова взмахнул платочком, и тишину разорвал

залп из шестидесятичетырех черных и белых пушек, салютуя новому королю и возвещая о начале парада.

Теперь все мы, не исключая Каиссы, с любопытством смотрели на противоположный берег. На троне из черного дерева сидел совсем небольшой человечек, уже облаченный в мантию, в короне и в красных сафьяновых сапожках. То ли из скромности, то ли потому, что яркое солнце мешало смотреть, новый король прикрыл лицо до самых глаз веером из павлиньих перьев.

Однако случайное неосторожное движение раздвинуло его мантию всего на миг, но я успел приметить на шее его величества... красный пионерский галстук!

Вы понимаете, что это могло означать?!

Нет, как хотите, но я сейчас хоть на несколько страничек вернусь к Василько.

Да, то, что сейчас я расскажу, я узнал много позже. Ну и что ж? Решая сложный пример в математике, мы сперва раскрываем скобки. Нечто подобное происходит и в нашей книге. Резиденция Каиссы и есть нечто как бы заключенное в скобки. Теперь же мы вернемся к Василько. Меня так и подмывает (взрослые любят это словечко) рассказать кое-что раньше времени...

Так что не обессудьте: хоть глаза и ваши, но перо — мое!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В зале «Животный мир»

1

На большой перемене Василько постучался к школьному врачу.

— Прошу.

Василько робко вошел.

— А-а, шахматист! Здорово, парень, садись.

(Василько на досуге увлекался шахматами, доктор — тоже, и они не раз встречались прежде за шахматной доской).

— Здравсьте...

— Сыгранем?
— Так я по другому поводу...
— Повод обратиться к врачу всегда найдется и у здорового, — мудро заметил врач. — Жалься...
— Да вот... двойку схватил по математике...
— Что-о?! — поразился врач, человек уже немолодой и выдавший виды. — Неужто Надежда Ивановна послала тебя ко мне?
— Нет, доктор, сам я...
— На голову грешишь?
— Да вроде не очень...
— На нервную систему?
— Понимаете, волшебником я становлюсь...
— М-да-а... — Врач участливо всмотрелся в глаза Василько и сделал пометку на чистом листе бумаги.

— Не верите?

— Ну, что ты, как можно? Каждый из нас в своем роде...

Василько чирикнул, превратился в воробья, сделал круг под потолком и присел на край стола.

— Вот видите?.. — виновато произнес человеческим голосом воробышек.

Врач улыбнулся и сполз со стула. Василько (уже в своем собственном обличье) побрызгал на него касторкой, а когда тот пришел в себя, помог ему занять прежнее место.

— Извините, доктор...

— Нет, что ты! Это со мной происходит что-то неладное... Поддай-ка вон те пилюли... левее... еще чуть... Они! Глотну парочку: говорят, помогают...

— От волшебства? — обрадовался Василько.

— Да при чем здесь волшебство?! — разозлился врач, но тут же заметным усилием воли заставил себя успокоиться и ровным голосом произнес: — Рассказывай!..

Вот, оказывается, какая история приключилась с Василько в первую же неделю учебного года...

2

Однажды пятый класс школы № 100 приехал в краеведческий музей. Медленно переходили дети из зала в зал, с любопытством осматривали экспонаты.

Митька Филателист как бы возглавлял движение, порой опережая экскурсовода, а Василько замыкал шествие.

Поскольку же обычно никто не обращает внимания на последнего, Василько, не остерегаясь, норовил потрогать экспонаты, а у чучела кабана даже вырвал щетину подлиннее, так просто, на всякий случай: мало ли чего человеку захочется?

В зале «Животный мир» он вообще отбилась от класса и забрался между птицами и зверями, начиненными опилками, в самую гущу.

Рогатого оленя ему захотелось оглядеть чуть издали. Василько попятился и легонько толкнул кого-то.

— Извините, — пробормотал мальчик и обернулся.

Он увидел высокого мужчину в старомодном черно-белом костюме в шашечку; на его бледном узком лице четко выделялись очки в роговой оправе.

Незнакомец, что называется, и бровью не повел. Василько всмотрелся и засмеялся: никакой это не мужчина, а самая обыкновенная восковая фигура!

Привстав на цыпочки, Василько смело пощекотал

— Не, — сказал Василько. — Длинная история. Угости меня лучше мороженым.

— Держи!

И, словно в космическом корабле в состоянии невесомости, перед глазами Василько поплыло ленинградское эскимо. Мальчик мигом поймал его.

— Еще чего хочешь?

— Корабль под парусами... С черным флагом... Команду пиратов...

— Пи... Пиратов? — удивился Аинька. — Это что ракеты пускают на празднике? Пиротехники?

— Вот еще! Пираты нападают на торговые корабли!...

— Как тебе не стыдно! — прервал Аинька. — Неужели ты такой жестокий? А еще носишь значок юного шахматиста.

— Н-нет, я не жестокий... — смутился Василько. — Я понарошку. Как в кино.

— А других желаний нет?

— Есть. Сделай так, чтобы мои деда за меня учили уроки. Идет?

— Согласен, — подумав, сказал Аинька и добавил: — Сделано!

И верно. Пришли они домой (Аинька в кармане Василько спрятался), а оба деда — к внуку:

— Давай дневник скорей.

— Нате...

И засели деда за уроки, а ученик — к телевизору.

С тех пор новая жизнь настала у Василько: все вокруг него крутятся, а он сам и мизинцем не шевельнет — как ось в колесе.

— Аинька, — попросил однажды Василько, — помогай мне и на уроках. Ладно?

— Хорошо.

— Вот только не знаю, как сделать, чтобы учителя нас не слышали, особенно Надежда Ивановна. У нее слух — как у кошки.

— Не услышит, — успокоил Аинька. — Я твои мысли буду читать, а ты — мои.

— Разве так можно? — усомнился Василько и вдруг как бы услышал ответ Аиньки: «Можно», хотя Колобок молчал... Чудеса!

— То-то, — вслух произнес Аинька. — Только ты перед тем прикажи мысленно: «Сделай!» — и я исполню. Понимаешь, чтобы путаницы не было.

— Идет.

— И вот еще что: обязательно начни отвечать на вопросы... У меня своего в голове пока очень мало. Когда же ты начнешь, то я сразу буду тебя поправлять, читая мысли учителей.

— Понял.

Однако, как утверждают мудрецы, человек на многое способен только в том случае, если его не лишают... самостоятельности.

Справедливость этого изречения испытал на себе Василько уже в последующие дни...

Приходят они с Аинькой в тир. Василько берет винтовочку; не успел прицелиться, а пулька уже поразила цель!

Пошли на рыбалку. Забрасывает Василько удочку, а здоровенный сазан выскакивает сам из воды, глотает крючок на лету и трепыхается.

Пожелал Василько мотоцикл — пожалуйста. Сел, запустил мотор и помчался. Но машина сама идет как надо, хоть бросай руль, хоть крути его даже в обратную сторону...

Захотелось Василько в городки посоревноваться. Пожалуйста. Не успел биту взять, как уже квадрат пуст.

Как-то под дождь попал — все мокнут, а он и без зонтика сухой шагает.

Задумал на пляж поехать — и уже очутился на берегу. Стало солнышко припекать — и над Василько голубой тент повис в воздухе.

Захотелось пить... Глядь — уже бежит к нему водонос, и все с завистью смотрят в его сторону.

— Ты бы незаметно это сделал... — вслух попросил Василько.

— Но ведь тебе все-таки приятно такое внимание, —

ответил Аинька. — Я же все мысли твои читаю и исполняю!

— Все нельзя, понимаешь?..

— Почему? — удивился Аинька. — А ты не думай, о чем не положено.

— Не умею я так.

— Научись.

— Как же я научусь, — резонно возразил Василько, — если ты лишаешь меня самостоятельности? Послушай, Аинька, давай бросим все это.

Вздохнул он и направился в библиотеку.

— Мне бы фантастику почитать, — неуверенно попросил он.

— Нету, милый, вся на руках, — грустно ответила библиотечарша. — Хороших книг вообще не хватает...

Произнесла она эти слова и руками всплеснула: на столе откуда ни возмись — груда фантастических романов и повестей!

Берет Василько одну и... не читая, уже знает, что в ней написано, от первой буквы до последней. Смутился мальчик и вышел.

— Ну разве можно так? Уйдем отсюда.

— Опять не угодил? — обиделся Аинька.

— Ты же лишаешь меня удовольствия читать! Мы с Митькой Филателистом...

— Не говори мне о нем, — прервал Аинька.

— Почему?!

— Противный мальчишка! Голова тыквой и в шахматы не играет... Что же касается чтения, то чего же время терять, если можно узнать всё сразу?

— Много будешь знать — скоро состаришься...

— Ты всю книгу узнал за минуту, а дедом не стал! Стареют от времени, а не от знаний...

— Беда мне с тобой... Хоть бы конец поскорей.

— А по-моему, начало важней, — не сдавался Аинька. — Оно без конца может быть, а конца без начала не бывает! Съел?..

— Надоел ты мне, понимаешь?

— А ты мне нет.
— Отстань от меня.
— Не отстану!
— Ну, раз так,—разозлился окончательно Василько,—получай по заслугам!

И закинул Аиньку через ограду на стадион, мимо которого они проходили. Подождал немного и, убедившись, что теперь он избавился от назойливого «благодетеля», радостно зашагал к дому...

3

— Всё?—спросил школьный врач.
— Если бы...
— Продолжай.
— С тех пор Аиньки нет, а чудеса во мне не проходят..
— Ну и задал ты мне задачу,—задумался врач.— Как бы самому двойку не схватить... Вот что: есть у меня друг—отличный психиатр. Съезжу-ка я к нему, заодно и сам проверюсь. Надо же! Заходи ко мне дня через два—договорились?

— Ладно.

Но в указанное время Василько не явился. По той простой причине, что, как мы уже знаем из первой главы, он исчез на площади Трех птиц.

Не стану вас томить и расскажу, куда он угодил и что с ним произошло дальше...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дальнейшие приключения Василько.

1

Огляделся Василько и сказал:

— Ого!

Вокруг горы; справа — речка ворчит по камням; слева — лес взбежал на склоны и замер, будто от удивления; а впереди и позади — шатры старинные расписные да палатки попроще.

Тут и там костры дымят, бараньи туши жарятся. Вкусный запах будто пощекотал в носу, и Василько чихнул.

— Будь здоров! — сказал кто-то в палатке рядом.

— Спасибо...

Выходит к нему молодой солдат в странной черно-зеленой форме, с кожаным ранцем на спине и патронташем на поясе. Левая рука незнакомца висит на черной перевязи.

— Новобранец? — спрашивает.

— Что?

— Новенький?

— Да, — отвечает Василько.

— Из городских, видать... А что это у тебя на шее?

— Галстук... Пионер я.

— Ишь ты! Это вроде взводного, небось? — с уважением произнес солдат и подал руку. — Давай знакомиться: Дэ-Семь.

— Как?

— Дэ-Семь, говорю, это я тоись. У нас пешек кличут по начальным полям на шахматной доске.

— А-а, — протянул Василько, хотя ничего не понял. — А почему у вас рука забинтована?

— Ночью на дело ходили, и царапнуло малость... Да ты садись! Не в игре ж сейчас...

Дэ-Семь пододвинул солдатские барабаны, и они уселись.

— Вишь, как приключилось, — охотно рассказывал солдат, — помер у нас, значит, король...

— Что?! — привстал Василько.

— Помер, говорю, король наш. Да ты сиди! Сколько ему сравнялось — не ведаю: у нас короли сотнями лет живут... А тут, значит, взял да и помер в одночасье. Ну, а сам знаешь: в шахматах без короля — мат выходит! Нам хоть маленький, хоть плохонький, а король нужен... В запасе другого не оказалось...

— А это, вообще, что за местность? — решил уточнить Василько.

— И этого не знаешь?! — покрутил головой солдат. —

Здесь обретается повелительница наша шахматная, Каисса. На том берегу — во-он стольный град ее, по прозванию Восьмю Восемь. Туда лучшие игроки со всего света в гости съезжаются: себя показать да друг на дружку поглядеть. А первейшему из первых Каисса звание чемпиона жалует!

— А-а...

— То-то. А на сём берегу — Долина Борьбы, где ее — Каиссы, вестимо, — гвардейские шахматные армии — мы тоись! — баталии показывают для образцу, ну, и для развлечения... не без того. Однако слухай дале про нашу ночную кампанию... Попервах ферзь наш — опытный вояка! — рапорт сочинил начальству. Усёк?

— Как это?

— Ну, уразумел, значит...

— Усёк, усёк...

— Ага. Послали, значит, мы бумагу и приободрились: главное сделано! Ан, ждатель-пождатель, — досе без короля. Бумага, выходит, есть, а короля — Митькой звали — нету тоись.

— Усёк, — кивнул Василько.

— Ага. Ну, тут ферзь наш — хошь не хошь — пораскинул умом и говорит нам: «Слыхал я, братцы, что объявление по городам и весям дали, а, знать, без пользы... Не иначе — самим действовать надобно». — «Как это, — спрашиваем, — самим? Нешто так допустимо?» А он: «А помирать можно? Королям, тоись, допустимо? То-то!.. Раз уж на такую линию выдвинулись — самим надо... Махнем, братцы, ночью к супротивникам нашим и стащим короля ихнего...» А мы: «Так ведь он белый!» А он нам: «Переоденем в одёжу черную, и нехай они потом в беспокойство войдут, а с нас — будя!»

— Ну, и?.. — поторопил Василько, все более заинтересовываясь рассказом.

— Ну, думаем про ферзя нашего, голова! Ничего не скажешь... Пошли. Початкой кукурузной рот их величеству заткнули, чтоб без амбиции были, и волокем на свой редут. А только их бивак еще не миновали, и ктось из на-

ших, навроде тебя нонче, ка-ак чихнет — ровно бомбой... и пошла баталия! Не получилось, как ферзь наш спланировал, прочихали того короля!.. А момент ведь рядом был...

— Жаль, — сочувственно сказал Василько.

— А ты сам-то на какое звание метишь? У нас вроде комплект в остальном...

— Да я, — смутился Василько, — по объявлению...

— Что?! — вскочил Дэ-Семь. — Так ты и станешь нашим величеством? От-то да! А засиделись все мы — ужась! Бегим к ферзю, да в каптёрку обмундировываться... Шустрей, ваше величество, шустрей!

2

Дальше мне кое-что сам Дэ-Семь рассказал, когда мы познакомились.

Поначалу ферзь пригорюнился: «Мал ведь и не величав...» А ему чуть не все хором: «Зато при короле!»

Пока ферзь рапóрт новый писал, каптенармус намалялся с Василько. Какие были на складе мантии королевские да короны — все большими оказались. Хорошо, что Дэ-Семь друзей своих собрал и они подогнали мантию горностаевую, а кузнец, что коней шахматных подковывал, разрезал корону, поприжал ее малость да заново заклепками скрепил — в самый раз получилась!

Тем временем понаехало и понабежало журналистов да киношников столько, что Василько как увидел их, так в каптёрку забился и наотрез отказался выходить.

И так его уламывают и эдак, а он все твердит: «Нет!».

— Ваше величество, — взмолился ферзь, — парад в вашу честь начинать пора... Просим вас! Уже и трон помыли...

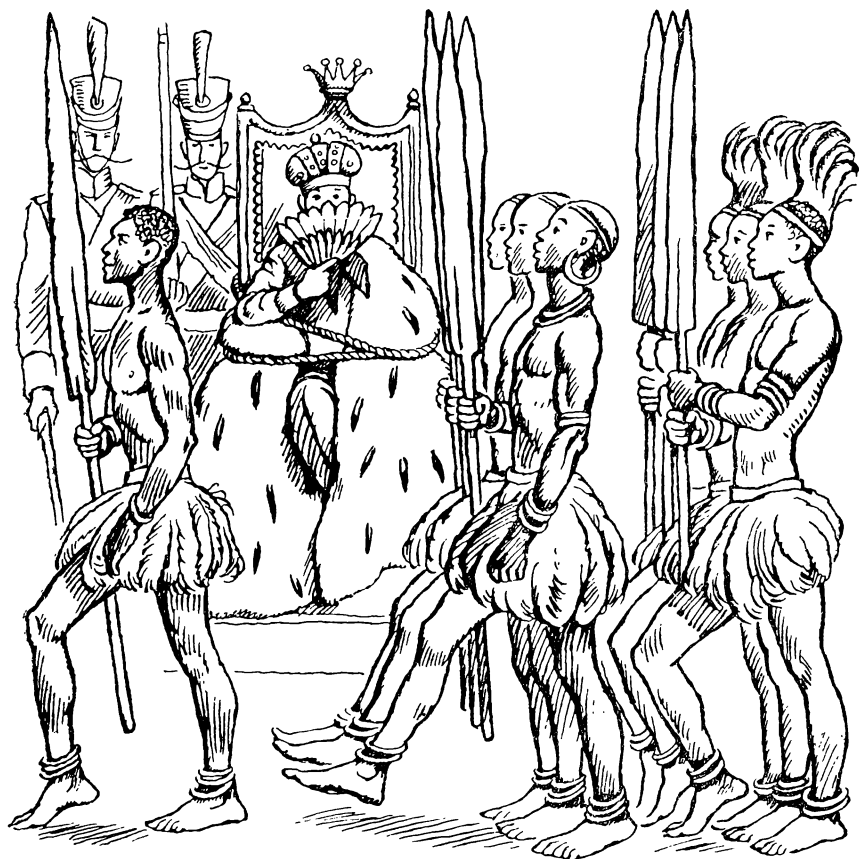
— Нет, — кричит Василько, — стыдно!

— Ну, где это видано, — убеждает ферзь, — чтоб королевства стыдиться? Иные мечтают...

— Я пионер, понимаете! Лучше я пешкой буду.

— Пешек, ваше величество, и без вас хватает...

— Галстук на мне пионерский!

— А вы его на время спрячьте, ваше величество, под мантию.

— А если узнают меня?

Тут ферзь не выдержал и моргнул пешкам; те дружно навалились, кинули Василько на трон и привязали к сиденью веревками крепко-накрепко.

Видит Василько: не до шуток тут.

— Дайте хоть маску мне, — просит.

— Такого еще отродясь не было! — возмутился ферзь. Нате веер, ваше величество... Братцы, волокем! Раз, два — взяли!.. Уже фанфары вопиют...

И вытащили трон на воздух — едва успели.

Сводный оркестр из тысячи музыкантов под руководством одного капельмейстера заиграл марш, и парад начался.

Вот мимо квадрата № 1001, где за спиной нового короля выстроились его фигуры, а позади них — «противники», проходят строем шахматные армии соседних квадратов в одеяниях индусов, арабов, испанцев.

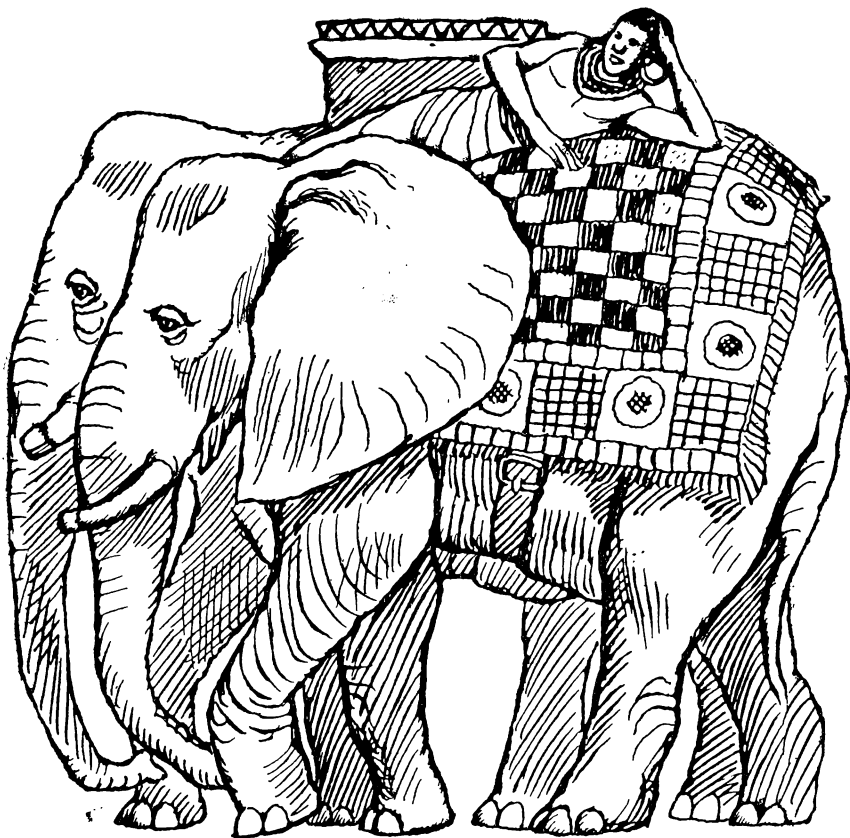
Это было сказочное и редкое зрелище!

Вот шагают пешки африканских шахмат с высокими пиками, в юбочках из страусовых перьев; за ними всадники на зебрах и слоны — большие и грозные.

Несколько комично выглядели английские: каждая пешка с моноклем в глазу (наподобие очков, но с одним стеклом), в руке стек (тонкая, короткая трость с кожаной петелькой), а на голове — белый или черный пробковый шлем. На белых и черных конях, в дамских седлах (то есть обе ноги по одну сторону), сидели девушки в костюмах для верховой езды. Короли ехали в черном и белом экипажах, в упряжке которых было по восьмерке лошадей, а ферзи шагали впереди с британскими флагами в руках.

Французские шахматы были в черных и белых париках, в коротких — чуть ниже колен — бархатных штанишках, в башмаках с алмазными пряжками; всадники в наполеоновских треуголках, одни на белых конях с чер-

ными яблоками, а другие — на черных с белыми. Ферзи сгибались под тяжестью орденов, и их вели под руки; короли ехали в открытых каретах, но под кружевными зонтиками, а вместо слонов у них были... шуты.

Американские пешки, вооруженные автоматами, ехали на мотоциклах, и моторы без глушителей наделали изрядно треску и шуму. Впереди в строгом строю шли девушки с барабанами и палками и очень ловко подтанцовывали. А позади на тяжелых грузовиках ехали слоны с погонщиками. Затем низкие платформы на воздушной подушке, поднимавшие пыль, везли всадников на мустангах, ферзи были одеты в ковбойки и шорты, а короли ехали в открытых автомобилях, положив ноги на головы шоферов, пили

кока-колу, курили сигары и ни на кого не обращали внимания.

Очень много аплодировали кавказским шахматам. Пешки грациозно и стремительно исполняли танец с кинжалами, оркестр народных инструментов расположился на слонах, и, пока проходили кавказцы, сводный оркестр прервал свою игру. Джигиты гарцевали на горячих конях; ферзи, в черной и белой черкесках, подняли роговые кубки с вином, а оба короля, сидя в фаэтонах, выстрелами из пистолетов приветствовали своего нового собрата.

Могуче выглядели русские шахматы.

Шестнадцать богатырей в остроконечных шлемах, с тяжелыми мечами наголо и прямоугольными щитами, открывали шествие. Донские казаки на черных и белых конях, с пиками у стремени. На остриях пик бойкие петушки приветствовали публику криком. Веселые погонщики слонов, широкоплечие пешие ферзи, седобородые смелые короли — верхами, а по бокам — скоморохи с петрушками и медведями.

Поравнявшись с квадратом № 1001, они гаркнули песню, и могучие их голоса разнесли ее по всему шахматному королевству:

Эх, да кабы, да по нашей воле,
Не было б смертных сражений боле!
А всех любителей драк мы просим
Выйти на поле Восемью Восемь!..

Пронзительно и заливисто засвистали казаки, а гости, и даже сама Каисса, подхватили дружно:

А всех любителей драк мы просим
Выйти на поле Восемью Восемь!..

Сперва Василько ничего не видел из-за веера, потом стал присматриваться: уж очень понравилось ему, что все приветствуют его и вашим величеством называют. Он уже и развалиться хотел на троне, да веревки помешали.

Тут он грозно посмотрел на своего ферзя да как рыкнет на него—так у старого вояки сердце затрепетало от восторга. Обернулся он к своим пешкам и говорит радостно:

— Ну, держись, ребята: в должность входит их величество!

И понеслась по рядам радостная весть.

— Эй, ты! — кричит Василько.

— Слушаю, ваше величество! — вытянулся ферзь.

— Убрать эти дурацкие веревки!..

— Слушаюсь, ваше величество!

И самолично ножом все пообрезал, да так деликатно, что даже журналисты и те не заметили.

Поразмялся Василько, ножку за ножку закинул и велит подать ему московского хлебного кваса. Принесли было и ферзю, да Василько как гаркнет:

— Это что?! При короле?! Вы-по-р-рю!..

— Виноват, — смутился ферзь. — Это я про запас вашему величеству...

— Смотри у меня!

— Есть смотреть... — а сам пешкам моргает: дескать, повезло нам.

К концу парада настроение у Василько и вовсе сделалось отличным; потянулся он сладко и говорит ферзю:

— А в общем, неплохо королем быть!

— Еще как неплохо, ваше величество, — подтвердил ферзь.

— Пора бы и за дело взяться, а?

— Пора, ваше величество! Белые уже выстраиваются... Велите подавать команду?

— Подавай.

— А ну, ребята, становись! Шаго-ом — марш!.. Пошли, ваше величество. Вот сюда, пожалуйста. А я рядом с вами...

3

Выстроились в квадрате № 1001 все фигуры, и вдруг по рядам белых пронесся смех и послышались возгласы удивления:

— Гляди-кось: воробей в короне!..

— Нашли, нечего сказать, малявку...

— Эй, ты, ваше величество, дать платочек?

— Начинайте, ваше величество! Не то задебютуемся!

— А с чего начинать-то? — крикнул кто-то из белых пешек с острым слухом. — Сегодня мы вам по случаю торжества фору — первый ход — даем, да ум-то у вас замедлился...

И все посмотрели куда-то в сторону. Только сейчас Василько увидел на вышке судью, двойные шахматные часы, писарей и у основания вышки двух секундантов.

Судья посмотрел на свои ручные часы, поднял черно-белый флажок, затем резко взмахнул и крикнул:

— Время!

Прошла еще секунда, и, поскольку Василько бездействовал, Дэ-Семь не вытерпел и ринулся на поле дэ-5. Игра началась.

4

Сперва дымом заволокло позицию черных, и с нашего берега трудно было рассмотреть что-либо; все они палили в воздух — то ли устрашали противника, то ли вдохновляли друг друга: у хорошего игрока первые ходы всегда туманные.

Но потом ветерок стянул дым в сторону, и стало видно, как вырываются вперед одна за другой пешки черных.

Король белых крепко призадумался и начал совещаться со своим ферзем:

— Никак, дебют новый задумал?

— Похоже, ваше величество, — согласился ферзь. — Гамбиту ищет. Все свои пешки почти даром подсовывает.

— Не брать покуда, — решает король белых.

А Василько, правду говоря, подальше отослал свои пешки, чтобы просторнее было использовать фигуры. А то ведь вроде мешают...

Правда, его ферзь попытался выразить сомнение: дескать, не лишиться бы их, ваше величество, без защиты они у нас... Да тут Василько нахмурился: а ты для чего? Для тебя же стараюсь! И вояка замолчал, готовясь к бою.

Сделали еще хода два, и король белых рискнул: при-

казал снять левофланговую (то есть с левого от себя края) черную пешку.

Прикинул еще что к чему и схватил вторую. Зорко осмотрелся — ничего! Никакой опасности нет! Задарма пешки достались!

— А может, новый король... — предположил ферзь белых, — не очень-то соображает в шахматах? По первым ходам игрока видать...

— Похоже, — кивнул король белых. — Смотри: рокировку сделал! А к чему она, если и пешек, считай, нет?.. Вот что: ты давай гони его потихоньку ко мне, но не прямо, а на тот, левый, край...

— Слушаюсь, ваше величество.

— А я тем временем оголять его буду: вон сейчас коня сниму, а потом три пешки подряд стоят — ну, прямо на мушке!

— Понял, ваше величество.

Дальше события развивались таким необычайным образом, что все гости стали шумно возмущаться и освистывать нового короля. Нахмурилась и Каисса, но... никто не имел права вмешиваться до окончания партии.

Поскольку же страсти болельщиков накалились и многим, чувствовалось по всему, хотелось подсказать Василько возможные — пока еще — ходы, чтобы спасти партию, Каисса подала знак.

И тотчас же на лужайку возле ее трона выехал самоходный эшафот с палачом. А его подручные в черных масках и красных балахонах уже шныряли по рядам болельщиков и кнутами помахивали.

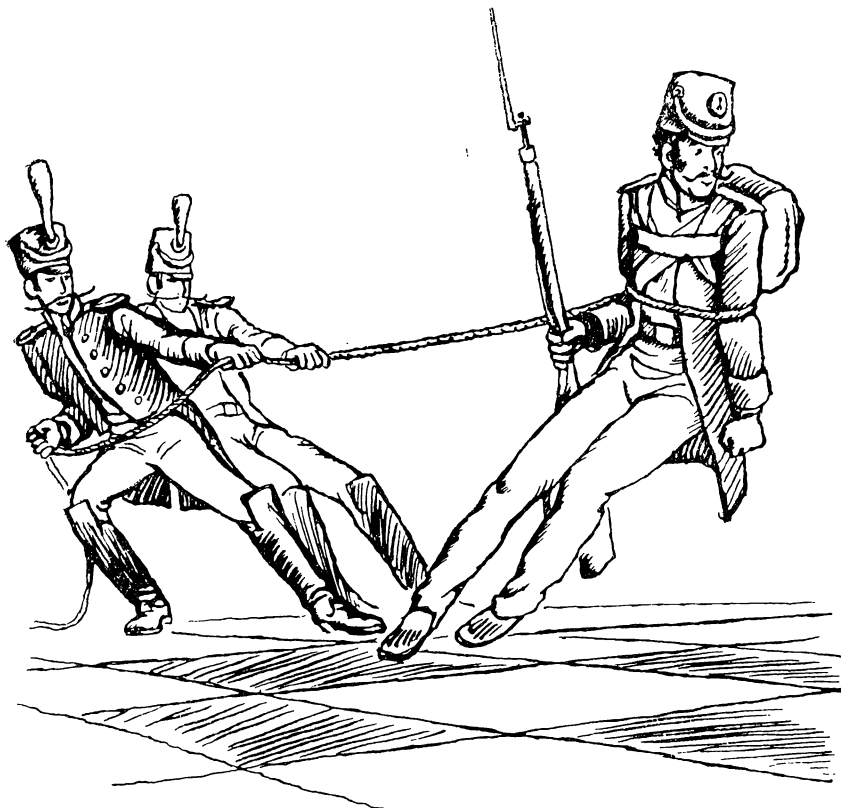
Подсказчики присмирели...

5

А в квадрате № 1001 дела черных быстро ухудшались, и видно уже было по всему, что развязка близка.

Лишился Василько обоих слонов, нет уже коня и ладьи, и последняя пешка Дэ-Семь гибнет бесславно, а ферзь попал во вражеское окружение.

И тут Дэ-Семь словно обезумел.

— Не покину поля! — кричит. — Ваше величество, я же последняя у вас возможность через меня получить новую фигуру... Отмените ход!

А Василько вконец распоясался и подтверждает приказ: идти на смерть! И хоть гибель эта никому не нужна и окончательно ухудшила общее положение, — приказ есть приказ...

Но Дэ-Семь снова отказался подчиниться.

Тогда секундант белого короля метнул лассо и ловко накинул веревочную петлю на Дэ-Семь. Подбежал секундант от Василько, и они вдвоем, поднатужась, стянули на обочину взбунтовавшуюся пешку.

бую фигуру...» Я двигаю свою белую пешку с е-7 на е-8 и превращаю ее... во второго черного короля!

Еще не опомнились все от удивления, как Василько приободрился: сам он не мог сделать ни одного хода, но теперь у него появился двойник, а значит, и надежда.

Правда, второй черный король имел лишь один ход, который он и сделал, шагнув на поле дэ-8. Но тут белый ферзь выскочил из засады, под прикрытием пешки е-6 встал на поле дэ-7 и объявил мат обоим черным королям сразу!

Что тут поднялось — не описать...

Даже Каисса сияла от удовольствия; но палач уже готовился к казни. Ведь Василько взялся быть королем, даже не узнав, каким и где.

Такому самозванцу не миновать плетей!

Журналисты, киношники, телевизионщики, чуя новый материал, взапуски побежали к плахе, опережая друг дружку, а некоторые пустились вплавь с того берега. Но...

— Дорогие гости, друзья,—объявила Каисса в микрофон. — Мы должны учитывать, что мальчик, так опрометчиво ставший королем черных и бездарно проигравший партию, впервые встретился с сильным игроком. Поэтому я повелеваю не наказывать его, а разжаловать в рядовые. Отныне он — белая пешка Дэ-Два, потому что в армии черных он уже оскандалился... Быть посему!

6

Я подбежал к церемониймейстеру:

— Где тут у вас телефон-автомат?

Цирлих-Манирлих машинально указал на ближайшую будку и не глядя сунул мне «двушку».

— Спасибо!

Забираюсь в будку и набираю Ж2-Ж3.

— Служба информации Восемью Восемь на приеме, — слышу знакомый голос.

— Здравствуйте, Блаттелла, это я...

— А... Здравствуйте. Ну, вы довольны, что оказались миллионным гостем Каиссы?

- Да, конечно.
- Мне пришлось придержать в кустах двух посетителей, чтобы сравнять счет именно вами...
- Даже так?
- Не благодарите... Как вы сказали тогда? «Услуга за услугу»?.. Надеюсь, вы исполнили мою просьбу?
- Да, да, Блаттелла, все готово, и ваша рукопись у меня с собой.
- Вот и прекрасно. Каисса забронировала вам номер в лучшем отеле «Е2-Е4»... С телевизором, ванной и шахматным роботом, который развлечет и потренирует вас.
- Но, Блаттелла... У меня еще дело к вам...
- Говорите, я на приеме.
- Тут у вас появился новый... король...
- Да, это в квадрате номер тысяча один. Но он не называл себя, и я пока не могу, к сожалению...
- Простите, Блаттелла,—прервал я.—Мне думается... Нет, я уверен, что его личность мне известна...
- Да что вы! — заволновался таракан. — Прошу вас...
- Нет, нет, мой друг, только по секрету!
- Жаль. В нашей шахматной столице секреты не в ходу...
- Ну, по крайней мере, на время вы можете не оглашать его имя?
- Пожалуй... Так кто он?
- Ученик пятого класса школы номер сто нашего города Василько... Это вы свистнули?
- А что, получилось? Я смотрел шахпарад по телевизору и вот стараюсь подражать донским казакам... Однако... Что мы приобрели?! Вы же видели этого мальчика? А ведь столько гостей!...
- Нельзя ли вернуть мальчика в школу? Сейчас.
- Исключено! Ведь он сам захотел стать королем. Так?
- Наверное.
- Вот видите! У нас признается только борьба в чистом виде — честная и открытая!

Еще три хода — и нет ладьи и ферзя; еще хода два — и король черных, наш Василько, остался на поле боя один-одинешенек.

Была армия, да без короля, а нынче — остался один король без армии...

Но король белых действовал все еще осторожно, чтобы случайно не сделать пат (так называется ничья, когда никто не выиграл и не проиграл). Ведь, если без объявления шаха Василько некуда будет ходить, это и получится пат...

Зажав Василько на поле аш-3, белый король притаился позади на аш-1; две свои белые пешки расположил на эф-2 и жэ-3 (рядом с Василько); ферзь белый подстерегал черного короля на жэ-7; еще две белые пешки — на цэ-6 и (самая опасная сейчас) на е-7.

Добившись такой позиции, король белых велел своему секунданту принести телефон с длинным походным кабелем.

Все притихли...

Вызывает король белых Каиссу и говорит:

— Ваше величество, позвольте воспользоваться задачей-шуткой Куббеля... Помните, о ней наш Главный Инженер, международный гроссмейстер Венивидивицин рассказывал?

— Помню, — ответила Каисса и задумалась.

— Ваше величество, — убеждал король белых, — в этом случае мы от мальчика неопытного да зазнайки, что по объявлению пришел, избавимся и... получим другого, настоящего, шахматного короля для черных... Позвольте!

— Быть посему! — решила Каисса. — А вам — звание мастера отныне...

— Ура!!! — закричали болельщики, аплодируя, и вновь замерли: что же сейчас произойдет?

И произошло вот что... Секундант поднес микрофон радиостанции Восемью Восемь королю белых, и тот во всеуслышание объявил:

— В шахматных законах записано: «Пешка, достигшая последней горизонтали, может быть превращена в лю-

— И все же мне не хочется, чтобы он оскрамился вторично.

— Мне тоже. Но бывает и почетный проигрыш... Посмотрим, как будут развиваться события дальше... Мы еще встретимся!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Подвиг

1

Каиссе подали белый открытый автомобиль, церемониймейстер помог ей сесть на левое заднее сиденье и подошел ко мне.

— Ее величество, — устало сказал он, — приглашает вас в карету.

Я не замедлил воспользоваться любезностью Каиссы. Цирлих-Манирлих занял место рядом с водителем, и мы поехали.

— Мне доложил Блаттелла, что вы знакомы с этим мальчиком, — сказала Каисса.

— Не совсем... Раньше я видел только его фотографию. Мне так стыдно за него!

— Мне тоже, — вздохнула Каисса. — Партнер у него оказался сильный, но тем более нельзя вести себя так безрассудно; лучше бы отказался. А теперь, чтобы вернуться домой, он должен отличиться...

— Это непременно условие?

— Да. Кто далеко зашел, тому и возвращаться труднее. Но он — пионер, и надежда еще не потеряна.

— Я не очень силен в шахматах, — признался я, — но, если вы разрешите, постараюсь хоть немного потренировать его...

— Хорошо, — согласилась Каисса. — Буду откровенна: пионеров я люблю особенно!

— Завтра в вашем распоряжении будет катер, — сказал церемониймейстер. — Наша река, если вам известно, не имеет мостов...

— Спасибо. У вас очень утомленный вид.

— Да, мне сегодня досталось,— подтвердил Цирлих-Манирлих.

— Он еще волнуется за своего брата,— сказала Каисса.

— С ним что-нибудь случилось?

— Нет... Его зовут Венивидивицин. Он Главный Инженер моей резиденции и отличный шахматист. Попросил творческий отпуск и отправился по свету искать равного себе игрока...

— И не подает вестей,— грустно закончил церемониймейстер.

— Вот и ваша гостиница,— сказала Каисса, когда машина остановилась.— Можете отдыхать у нас, сколько захотите. Желаю удачи!

— Спасибо за внимание, ваше величество. До свиданья!

2

Остаток этого бурного дня Василько не выходил из палатки. Пережитый им позор — а иначе его скандальный проигрыш не назовешь — тяготил мальчика.

Припоминая свои распоряжения во время игры, он все больше убеждался в их ошибочности, даже бессмысленности и раскаивался. Но сделанного не воротишь.

Незаметно он все же уснул; спал плохо и проснулся ранним утром от боли в боку. «Наверно, продуло», — предположил Василько.

Прихрамывая, вышел из палатки, где всё еще могуче храпели пешки белых, и увидел своего знакомого Дэ-Семь.

— Здорово! — обрадовался солдат.

— Здравствуйте...

— А я тебя стерегу. Зря ты, когда был нашим величеством, не слушал нас.

— Сам теперь понял.

— Да? — обрадовался солдат. — Ну, коли так, не печалься... Ферзь наш жалеет. «Характер, — говорит, — у него истинно королевский... И стать, и велеречивость имеет.

стишь — значит, и болеть начнешь. Хочешь быть здоровым — неси службу честно!

— Да вы что?!

— Уж как есть... Только королей это не касается, потому как ежели король нерадивость проявит, то ему самому ничего, а вот подчиненным — труба выходит! Как вчера...

— Ой-ё-ёй! — воскликнул Василько. — Ну и дурень же я...

— Ничего, — успокоил Дэ-Семь. — Все время умным быть — устанешь! Но и дураком ежели долго, то для здоровья вредно... Давай лечиться начнем.

Вдвоем они принялись чистить ружье и смазывать его; вскоре боль в боку стала утихать, а потом и вовсе прошла.

— Легче? — спросил Дэ-Семь.

— Не болит! — поразился Василько.

— А чо я говорил? Фершалу лучше знать. У нас правила. А без них — ничему ума не дашь... Однако уже и есть пора. Айда в харчевню, в столовую тоись. Вон в том шатре. Я угощаю...

3

Номер в гостинице был двухкомнатный, и мне понравился. Только я расположился, как принесли ужин. Только поужинал и достал из кармана сигареты, как услышал со стола знакомый голос:

— Умоляю вас, повремените с курением!

— А, Блаттелла, — обрадовался я. — Ладно, потерплю... Вы не скажете, как попал сюда Василько?

— Пока затрудняюсь ответить. Спросите у него самого.

— Хорошо. Вот ваша статья...

Я положил тетрадь на стол рядом с тараканом, сказал «мини», и она, как и прежде, стала совсем крошечной.

Блаттелла с любопытством принялся просматривать мои поправки. Молчание несколько затянулось, и я с беспокойством спросил:

— Ну, как?

— Вы столько повычеркивали, что я поражаюсь вашей смелости.

— Смиритесь, Блаттелла. Я желаю вам только добра.

— Это так необходимо?

— Главное, Блаттелла, краткость... Все остальное приложится: ведь нынешние читатели стали такими сообразительными, что поймут с одного слова, уверяю вас...

— Стойте! — взволнованно воскликнул Блаттелла. — Я придумал. А что если мы вычеркнем все, понимаете — все!

— Полностью?

— Нет, что вы! Мы оставим одно слово: «Та-ра-кан». И каждый вообразит себе, что захочет.

— Блестяще, Блаттелла! Вы — гений.

— Ну, что вы, — смутился таракан. — Это вы натолкнули меня на такую мысль...

— Я очень рад, Блаттелла, что смог оказать вам услугу.

— От всей души желаю и вам, — сказал таракан, — добиться такой же краткости, когда будете писать свою новую книгу... Изложите все одним словом! Например, оставьте свою фамилию, и хватит с читателей: пусть остальное домысливают сами...

Не успел я ответить, как Блаттелла убежал. «Почему он обиделся на меня? — недоумевал я. — Мне удалось сократить его статью всего на три четверти, и он еще недоволен...»

Увидев на тумбочке книгу «Шахматы», я взял ее, прилег на диван и открыл главу «Пешка».

«Пешка, — прочел я, — важное средство развития игры в дебюте и осуществления различных комбинаций. Великий французский шахматист Филидор сказал: «Пешки — душа партии!»

Особенно ценны они в конце игры, потому что могут превратиться в любую фигуру. Вспомним пример из турнирной практики...»

Это было то, что надо! Мне хотелось обязательно по-

мочь Василько. «Мы вернемся домой только вдвоем!»— решил я.

4

Толстый лысый харчевник, увидев входящих посетителей, крикнул служанке:

— Поскребла середу¹ чернавка², и будя. Гляди-кось, щапы³ пожаловали!.. А ну, живо, примамай их, не то шело-пугой⁴ огрею по потылице⁵. Вам чего будет угодно? — обратился он к «щам».— Ежели выть⁶, так, должно, рано. Скидайте спанечки⁷, али вы так, налегке?.. Пеструху не желаете?..

— По-каковски это он? — не понял Василько.

— По-старинному, — тихо ответил Дэ-Семь. — Он такими словами посетителей завлекает... Пеструха — это значит перепелка.

— Аль рябу?..

— Рябчиков тоись, — как бы перевел Дэ-Семь.

— Надысь гляжу, — болтал без умолку словоохотливый харчевник, — вроде курева⁸ вдали... Опосля развеялось, и вижу отсель меты⁹ коня на хряще¹⁰, а еще чуток — входит поляница...

— Богатырь, — пояснил Дэ-Семь.

— Хороший был гость — с аппетитом и щедрый.

— Нам, хозяин, — степенно начал заказывать Дэ-Семь, — подай щей по котелку, опосля двух пеструх, еще погода — по рябе на брата и кваску запить.

— Добре! — кивнул харчевник. — Чернавка! Слыхала, небось?

— Да уж как не слыхать? — отозвалась служанка. — Как есть бегу... — и, не торопясь, направилась на кухню.

— Не много ли на завтрак? — ужаснулся Василько.

— Еще может не хватить! — подбодрил Дэ-Семь. — Это короли по яйцу, по шматку сала да по буханке хлеба, больше по утрам не принимают — важничают. А нам с то-

¹ Пол. ² Служанка. ³ Щёголи. ⁴ Плетью. ⁵ Затылок. ⁶ Обед. ⁷ Шу-бы безрукавные. ⁸ Метель. ⁹ Следы. ¹⁰ Крупнозернистый песок.

бой негоже привередничать: нонче солдат, а потом, гляди,—ферзь уже! Я кем только не был за свои жизни...

И точно: аппетит разыгрался у Василько отменный — все съел да еще косточки обгрыз. Сказано: воздух свежий да сон в палатке — не то, что в пионерских лагерях. Домá по многу этажей, мебель полированная, форточки не открыть, чтоб детей не простудить; а в турпоходы на машинах едут километров двадцать, потом пройдут пешком (всё больше по дорожкам) километра два — и снова по машинам.

Обо всем этом рассказывает Василько, а Дэ-Семь диву дается.

— А скоро будем вертолетами летать в горы,—хвалится Василько.— А вниз по канатной дороге съезжать... Природу же, в основном, по телевизору наблюдать...

— Ишь ты!—дивится Дэ-Семь и вроде бы так просто спрашивает: — А кто же в шахматы играть будет?

— Так уже машины играют,—отвечает Василько.

— Да ну?! Значит, машины и ездют, и на горы летают, и природой любуются, и в шахматы резвятся?..

— Правильно.

— Это ж вы все чисто в рабы попали! А спасать некому — от машин тоись?

— Спасать?!—смеется Василько.— А мы и не жалеемся!

— Так рази из вас короли будут?! — сокрушенно воскликнул Дэ-Семь.

— А мы к этому и не стремимся...

— Всю жизнь, значит, в пешках? То-то и оно, что в голове своего короля нету,—машинам все поотдавали! Ну, там ездить, летать либо в телевизор глядеть — ладно, куда ни шло... Но чтоб машиной в шахматы играть?!

— Господи Исусе!—в ужасе произнес харчевник, прислушиваясь к их беседе.

— Так это для развития науки и развлечения.

— Во-во: машина развлекается! А книги?

— Тоже машины пишут.

— И читают?

- Читают.
- Хорошо, если вам что расскажут, а если не пожелают? Так неучами и останетесь?..
- Почему?! Машины человеку время экономят.
- Для чо? Новые придумать? Им служить?..
- А хотя бы!
- Самим же в пешки податься? Да где там! Из таких пешек только пешку и сотворишь...
- Так и у вас, — упорствует Василько, — техника есть. Вертолеты, телевышки, автомашины...
- Это на том берегу, — прерывает Дэ-Семь. — У нас для того нигде и мостов нету! Усёк?
- Усёк.
- То-то! Шахматы — это душа человека, а в нее, в

душу, с машиной не лезь! Не то она и ее отымет. У тебя пружина будет, а у ей — удовольствие!

Тут Василько как заплачет!.. От неожиданности Дэ-Семь растерялся, потом обнял его и быстро заговорил:

— Да ты чо? На меня? Так ведь я по неразумению своему... Живи с пружиной!

— Нет, милый вы мой Дэ-Семь,— взял себя в руки Василько.— Техника техникой. Человек для себя ее и придумывает и командует ею... У меня хуже: волшебником я стал. Вот.

— Как это—волшебником?!

— Ну, не совсем, чтобы... а что задумаю—исполняется.

— Всё-всё?

— Да.

— Неужто всё, что пожелаешь?— никак не верилось Дэ-Семь.

— Всё! И никакой самостоятельности: все делается без всяких моих усилий...

— Чур меня!— суеверно прошептал харчевник.

— Так не годится,— согласился Дэ-Семь.— Деды наши немало сказывали о волшебстве... Оно, конечно, штука хорошая. Но только применять и его с умом надо... Слышал я, что к волшебству прибегать следует, когда сам чего не сможешь достичь. Так?

— Ага.

— Или если прижмет тебя к самому что ни на есть краю. А ежели твоего ума хватает и своими силенками одолеваешь, тогда без волшебства желательно, иначе нутро свое человечье потеряешь и останешься вроде как с пружиной, но без души!

— Вот и со мной такое происходит.

— А как же ты вчера проиграл? — хитро спрашивает Дэ-Семь. — Забыл команду дать своему волшебству? Василько плечами пожал: не знаю...

— У нас волшебство только на том берегу действует, — пояснил Дэ-Семь, — а тут — нет... Да закинь ты это

свое волшебство. Не знаю, в чем оно у тебя... Живи сам!
— Закинул.
— И чо?
— Не проходит...
— Ишь ты! Прилипло как... Однако пора нам: слышь, сбор трубят? Сейчас тренировка предстоит. Хозяин, что там с нас?

5

Вернулся я с той стороны к обеду. Василько произвел на меня приятное впечатление, хотя выглядел скучным. Поговорили мы о шахматах, особенно о роли пешек в игре, и расстались.

После обеда я снова был у трона Каиссы. Народу собралось не меньше вчерашнего, все происходило так же торжественно; опять состоялся красочный парад, в честь уже следующего — за неудачным «царствованием» Василько — короля черных № 1001.

И наконец началась долгожданная партия. Долгожданная не только для меня и Василько. Любители шахмат, накануне освиставшие Василько, теперь сочувствовали ему и желали отличиться.

Наверное, и в шахматах судьба непостоянна... Игра началась стремительно, но все время атаковали черные. Фигуры белых разбегались в страхе кто куда и гибли одна за другой без всякого, как мне казалось, плана и цели.

Толпа вокруг нас бушевала и была на стороне белых, сочувствуя попавшим в беду. Только Каисса оставалась спокойной и даже порой улыбалась.

Правда, когда я присматривался в бинокль к королю белых, то не находил на его лице ни малейших признаков волнения!..

«Ну и нервы!» — думал я.

Не прошло и часа, как на квадрате № 1001 сложилось странное положение: все фигуры черных и все их пешки были целы и сосредоточились в правом дальнем от нас углу, вокруг своего короля, и в левом ближнем, где стеной зажали короля белых.

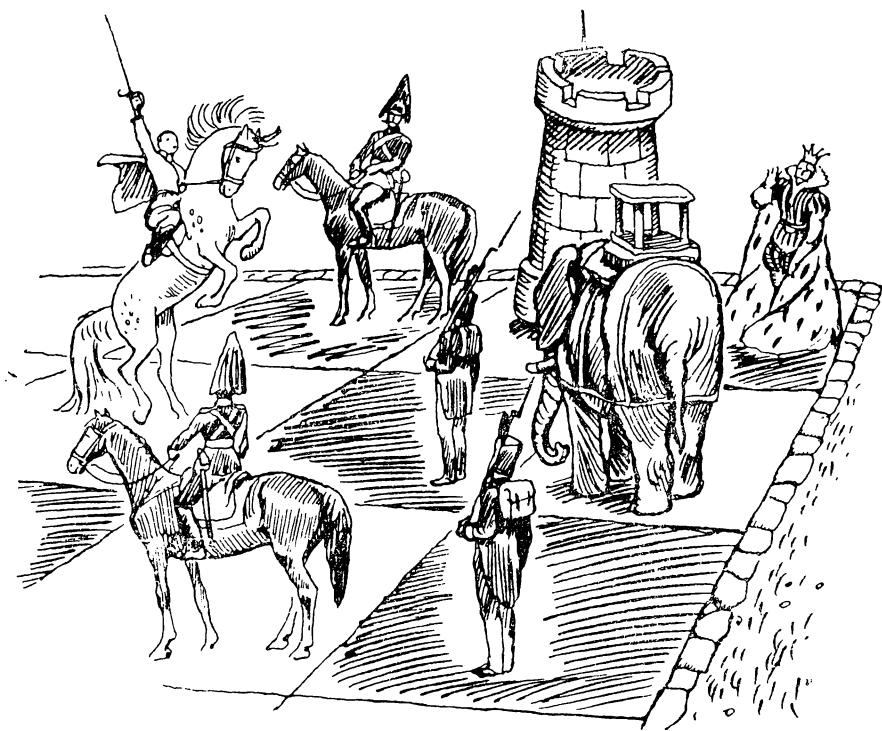
Из всей армии этого несчастного монарха сохранилась лишь одна пешка! Это был Василько, стоявший сейчас на поле дэ-7, том самом, где в начале игры находился знакомый ему (да и нам с вами) солдат.

Ход белых... Посмотрите на рисунок...

Всем стало ясно, что Василько сейчас станет ферзем, но, к сожалению, это уже не спасет белого короля от скорого и неминуемого поражения.

Василько оглянулся на своего короля, но он был далеко, и предстояло самому принять окончательное решение.

Вот уже судья поднял сигнальный флажок, давая понять, что время на размышление истекает... и Василько смело шагнул на поле дэ-8; мгновенно взвился дымный смерч, скрывая от взоров тайну превращения пешки в фигуру, и все мы замерли в ожидании.

Прошла еще секунда, смерч поднялся в небо, и все увидели не ферзя, как ожидали, а великолепного белого коня и на нем Василько.

Черные сделали какой-то ход (вообще-то у них теперь не было выбора), Василько направил своего коня на поле эф-7 и... объявил мат!¹

Такой партии, скажу я вам, мне не доводилось видеть ни разу. Всего я ожидал, только не победы обреченного короля белых. Если бы не Василько — его постигло бы бесславное поражение.

И не слышал я никогда такой овации, какую устроили болельщики! Каисса совсем повеселела и приказала приветствовать победителя салютом из шестидесяти четырех пушек.

Наградой ему стало возвращение домой.

6

Немного погода попрощался и я с Каиссой и любезным церемониймейстером, зашел за трон и негромко произнес:

— Инутама, инутама, акчолё!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ Похождения Аиньки

1

Сегодня у меня удивительный день: столько событий ожидает очереди, чтобы попасть в мою повесть, и так легко пишется, что даже некогда поест!

И что интересно: после того как мы с Василько возвратились по домам — я полагал, что на этом конец нашей повести. Как бы не так...

¹ Эта шуточная задача взята автором из книги М. Юдовича «Занимательные шахматы». М., «Физкультура и спорт», 1962, с. 8, левая диаграмма.

Открываю свежий номер городской вечерней газеты и читаю, представьте себе, следующее:

Сегодня в 19 часов в областном шахматном клубе состоится встреча с международным гроссмейстером товарищем Венивидивициным. Желающие смогут принять участие в сеансе одновременной игры на 50 (пятидесяти) досках.

«Неужто, — думаю, — он, Главный Инженер Восемью Восемь, брат церемониймейстера? Надо сходить...»

2

Вечером в шахматном клубе собралась уйма любителей. Венивидивицин пришел за пять минут до начала игры и встречен был вежливыми, но жидкими аплодисментами, потому что никто не знал его.

Он оказался худощавым человеком средних лет (сейчас у взрослых средний возраст означает примерно тридцать—шестьдесят лет) в старомодном черно-белом костюме в шашечку, без головного убора и в больших роговых очках.

Приветливо кивнув болельщикам, он пожал руку каждому из своих партнеров, протер стекла очков носовым платком, разрисованным шахматными фигурами, поклонился судье в знак того, что он готов, и приступил к игре.

Воцарилась тишина...

Не стану описывать все партии: во-первых, это долго, во-вторых, не все мои читатели играют в шахматы, и некоторым стало бы скучно. Для нашего повествования важнее последующие события...

Но, в общем, надо сказать, гроссмейстер играл весьма недурно, если учесть, что наш город издавна славится сильнейшими шахматистами.

К концу сеанса счет оказался таким: три партии Венивидивицин проиграл, девять выиграл и тридцать семь свел вничью. Оставался еще один его партнер за доской.

№ 13.

Присмотрелся я — и вдруг узнаю: это же Василько!

Положение здесь созда-лось настолько серьезное, что мальчик погрузился в глубо-кое размышление. Затем сде-лал еще два хода и... сдался.

Шумные аплодисменты приветствовали победителя. но я заметил, что его удив-ленно-радостный взгляд уст-ремлен на шахматную доску. А на ней... лежал колобок из серебристого металла с гру-стной мордочкой и шахмат-ным беретиком на макушке.

— Аинька?! — вскри-чал Венивидивицин.—Нако-нец-то мы встретились!.. Но что с тобой, кто тебя обидел? Почему ты плачешь?

— Я... Я через Василь-ко играл с тобой эту партию, Мастер, — признался Аинь-ка.—Василько даже не знал, что я подсказывал ему все ходы...

— Да откуда ты здесь взялся? — вскипел Василь-ко.—Кто тебя просил?

— Ты хороший, — сказал Аинька, — и очень нра-вишься мне... А я... я проиграл...

— Ну-ну, малыш, успокойся, будь мужчиной, — уве-щевал его Венивидивицин, беря на руки.

— Как, тебе не жаль меня, Мастер? — навзрыд пла-кал Аинька, прижимаясь к груди своего создателя.

— Но ведь есть такая песенка, малыш: «Пусть не-удачник плачет!..»

— Так я и плачу...

— Стоп, малыш, откуда у тебя слезы?!

— Н-не знаю... Я в океане побывал и немножко на-глотался воды...

— А ну, продуй нос... Еще! Вот это другое дело! И плакать перестал...

— Всё равно обидно: все твои мысли читал и все-таки проиграл.

— Понимаю, не будь я Венивидивицин, понимаю! Но ты проиграл человеку, малыш, так что не очень огорчайся.

— Не все ли равно?

— Конечно, нет! Внутренний Мир человека, малыш, намного богаче машинного. А ты хоть и волшебная, а все же ма-ши-на... Я тебя придумал и сделал, а не наоборот. Понял?

— А что такое Внутренний Мир? — спросил любопытный Аинька, несколько успокоившись.

— М-м... Как тебе объяснить... Это, неким образом, то, что внутри живого существа.

— Бр-р! Видел я в Рыбе-шаре, что у нее внутри... Одни гадости!

— Да нет, малыш, я имею в виду духовный мир человека. Он, по-видимому, расположен в голове и входить в него можно, как утверждали древние сказочники, через левое ухо. Вот так-то, не будь я Венивидивицин. Советую тебе побывать во Внутреннем Мире Василько.

— Простите, — вмешался я и назвал себя. — Совсем недавно мы познакомились с вашим братом...

— Цирлих-Манирлихом?

— Да. Он так обеспокоен отсутствием вестей от вас...

— Виноват, виноват! Но я немало пережил...

— Подождите, — вскричал Василько, — это не вы притворялись в музее восковой фигурой?

— Притворялся?.. — горько усмехнулся Венивидивицин. — Как бы не так! А не ты ли тот мальчик, что вернул меня к жизни?

— Вот видите, какая встреча! — сказал я. — Позвольте всех вас, друзья мои, пригласить ко мне домой...

— А ты кто? — спросил Аинька.

— Он пишет сказки, — ответил за меня Василько.

— Тогда не станем терять времени! — воскликнул Аинька. — Едем!

По дороге, в машине, Аинька рассказал о своих похождениях, после того как Василько так грубо закинул его на стадион...

От обиды и неожиданности Аинька сперва растерялся, но, увидев тысячи оживленных людей, красивое зеленое поле и какие-то штанги с сеткой почти под собой, вовремя уменьшил скорость и мягко приземлился возле большого шара в черно-белом кожаном костюме.

— Здравствуй, — неуверенно произнес Аинька.

— Привет, — хрипловатым басом ответил шар.

— Ты кто?

— Футбольный Мяч...

— А меня зовут Аинька.

— Так-так, — неопределенно пробасил Футбольный Мяч, не зная, что говорить дальше.

— Скажи, пожалуйста, чем ты занимаешься?

— Я?! — поразился Футбольный Мяч и даже чуть откатился от мальчика. — Ты что, чокнутый?

— Как, как?

— Ненормальный ты, что ли?

— Н-не знаю... Наверное, я хороший и отрегулированный. А почему ты так подумал?

— Я игрок, — гордо ответил Футбольный Мяч. — Меня знает весь нормальный мир!

— Я тоже игрок, — обрадовался Аинька. — Шахматный...

— Ха-ха-ха!.. — гулко рассмеялся Футбольный Мяч. — А я вожу по всем странам кучу здоровяков и даю им возможность набегать на стадионах такое же расстояние, какое они налетали на самолетах. Да еще исполняю все их желания!..

— А они не возражают?!

— Ха! Я едва успеваю выкручиваться...

— Ты счастливiec. А я подружился с Василько, но он уже не хочет, чтобы я исполнял его желания.

— Значит, он ненормальный! — заключил Футбольный Мяч. — С моими такого не случится.

— Тебя, наверное, на руках носят, — с уважением произнес Аинька. — И благодарят...

Но тут раздались восторженные крики, аплодисменты, и на поле выбежали две команды, а Помощник Главного Судьи уже направился в их сторону.

— Сейчас ты увидишь, как они меня «на руках носят» ... — загадочно прошептал Футбольный Мяч. — Ха-ха-ха!.. Гуд бай!

Аинька с гордостью наблюдал, как его нового знакомого бережно положили на центр футбольного поля, Главный Судья свистнул, кто-то ласково двинул Футбольный Мяч ногой.

Матч начался.

Аинька с интересом следил за развитием событий, не понимая, отчего лица игроков стали свирепеть, хотя они пока и сдерживали себя. Еще не понял Аинька, почему футболисты, многие из которых сразу понравились ему, не руками, а ногами катали его приятеля по траве, как бы передавая друг дружке.

«Может быть, они шутят?» — подумал Аинька, но тут кто-то с разбегу так саданул ботинком Футбольный Мяч, что звук удара разнесся по всему стадиону!

— Как ты смеешь, негодяй?! — закричал Аинька, дрожа от гнева.

Его тонкий голосок потонул в возмущенном реве болельщиков. Аинька видел, как Футбольный Мяч в ужасе метался между озверевшими игроками той и другой команды и уже почти убежал от главного своего преследователя.

Аинька прикинул: хотя преследователь нет-нет да и стукнет по Мячу, все же последний постоянно находится впереди и, видимо, не теряет надежды на спасение.

— Ко мне, ко мне! — закричал Аинька и вдруг умолк.

Лохматая нога игрока напряглась всеми своими мускулами, и последовал такой бесчеловечный удар, что Футбольный Мяч со свистом пролетел над самой землей метров двадцать и со стоном ударился в сетку, в правый нижний угол.

Понятное дело, половина стадиона вскочила с мест и возмущенно вопила....

— Бедный ты мой, хороший, — успокаивал Аинька Футбольный Мяч, лежавший почти рядом. — Теперь я не дам тебя в обиду этим грубиянам!

— В какую такую обиду?

— Я не позволю больше бить тебя... Хочешь, я превращу их в кого угодно? Я же волшебник, только не могу сам пользоваться волшебством; другое дело, если кто попросит... Ну, хочешь? Скажи только...

— Ты действительно блаженный, — удивился Футбольный Мяч. — Все идет как надо! Видел, какой превосходный гол я сейчас забил?

— Ты?!

— Ну, а кто же? Автором назовут того, кто ударил, но в сетке-то я!

— Автором?!

— Сейчас модно так выражаться, — пояснил Футбольный Мяч. — А ты не лезь! Понял, «волшебник»?.. А то не одобровать тебе...

Сказал и от ноги вратаря со звоном взмыл в небо.

Аинька уже не следил за игрой. Недоумение его все росло. Потом оно сменилось огорчением, и он вспомнил слова своего Мастера: «Форма шара считалась у многих древних народов священной!»

До сих пор Аинька тоже гордился своей формой, но сейчас готовность Футбольного Мяча терпеть унижения да еще утверждать при этом, что все идет как надо, удивила его и разочаровала.

Задумчиво поднимался он в темнеющее холодное небо, все выше и выше, пока не заметил, что мир, лежащий под ним, почему-то стал принимать... форму шара, а вокруг уже черно и звездно.

— И ты... тоже колобок? — спросил Аинька у шара.

— Пожалуй.

— Значит, опять я не один, — обрадовался Аинька. — А как тебя зовут?

— Земля.

— Разве ты... не ровная?
— Как видишь.
— Значит, форма шара все же хорошая?
— Как понимать—хорошая?
— Ну, то есть... то есть... А ты как думаешь?
— Главное—не сама форма, а то, для чего она... Моя форма самая удобная для планеты: на мне живут люди, животные, растения.

— Так-то оно так, — задорно произнес Аинька, — но у тебя на затылке никто не может быть, потому что упадет... Ага!

— На мне живут со всех сторон...
— И не падают?!
— Нет. Я притягиваю всех к себе и крепко удерживаю.
— Ты сильная, а я вот... хоть и волшебный, но, оказывается, многого не знаю. И не умею. А хотелось бы научиться... Скажи, пожалуйста, что это такое—ровное, гладкое на тебе и много-много?

— Это моря и океаны.

— Странно, — удивился Аинька, — зовут тебя Земля, а воды на тебе больше?

— Люди раньше не знали этого и так меня называли.
Вдруг снизу, со страшной глубины, донесся рев: «Го-о-ол!!!».

— Снова забили моего приятеля в сетку, — грустно сказал Аинька.

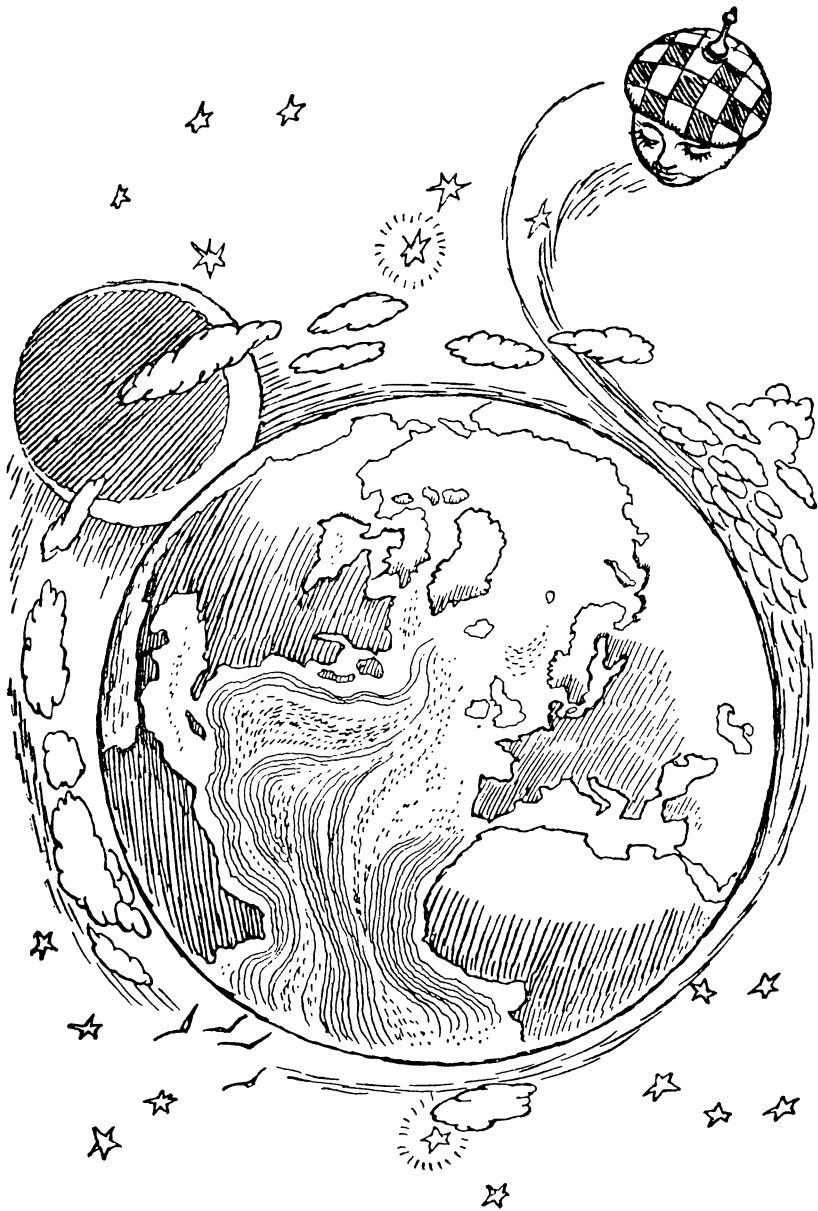
— Это же игра.
— Бить ногами?
— Ну и что ж: для того и создан Футбольный Мяч.
— Так ему не больно?
— Если он попал в сетку, то даже приятно.
— Вон как! — с облегчением воскликнул Аинька. — И это его не унижает?

— Нисколько. Каждый выполняет то, что ему положено.

— Теперь понял. А можно?..

— Говори.

— Я хочу посмотреть, что живет в воде.

— Пожалуйста.

Аинька устремился вниз, но вскоре почему-то так разогрелся, что выскочил назад, в космос, красный, точно вареный рак.

— Ф-фу... Это не Африка внизу? Мастер рассказывал мне: там так жарко, что все шахматисты ходят загорелые-презагорелые.

— Нет. Ты нагрелся от трения о воздух.

— Вот об это голубое прозрачное одеяло?

— Да-да. Не разгоняйся, и все будет в порядке. Что же касается Африки, то она на другой стороне.

Теперь Аинька, остыв, снижался медленнее и плавно погрузился в какой-то океан, на котором не было надписи.

В воде стало так легко, что Аинька засмеялся от удовольствия. Чем глубже, тем темнее делалось вокруг, будто наступала безлунная ночь. Пришлось Аиньке включить на своем берете пешечку, и она, точно прожектор, устремила вперед яркий широкий луч.

Но почему-то все труднее было идти ко дну.

— Ты напрасно не пускаешь меня, — говорил Аинька воде. — Я хороший и любопытный: мне просто хочется посмотреть, кто тут живет.

И верно — кого тут только не было! И какие-то змеи, и звезды; морские коньки плавали в кустах твердых кораллов, о которые Аинька стукнулся, думая, что это водоросли; кругом сновали большие и маленькие рыбы...

— Красотища! — то и дело восклицал Аинька.

Но вот он заметил колючий шар вполне приличных размеров и, довольный, что и тут встретил собрата, направился к нему.

— Здравствуй. Ты кто?

— Рыба-шар.

— А я Аинька. Шахматист.

— Кто-кто?

— Игрок. Разве ты не играешь в шахматы?

— Нет, — призналась Рыба-шар в своем невежестве и выпучила глаза.

— Жаль, а то бы мы...

Но тут Рыба-шар разинула страшную зубастую пасть и яростно накинулась на собеседника; Аинька не успел опомниться, как очутился у нее в желудке.

Пока Аинька раздумывал, как ему быть, Рыба-шар стала всплывать, потом метаться из стороны в сторону, биться обо что-то, даже пищать.

Вскоре послышались... человеческие голоса!

«Неужели и в воде живут люди?» — недоумевал Аинька.

— Осторожно, не порви сеть, — сказал кто-то, — цепляй на крючок... — и крикнул: — Ви-и-ра!..

Теперь вы догадались, что они угодили в сеть, которую подняли на борт рыболовецкого, а возможно, и научно-исследовательского судна.

— Ого! — сказал кто-то. — Ну и чудище морское попалось...

— Дайте мне,—взволнованно произнес другой голос.—Я давно охочусь за этой прелестью...

— Хотите заспиртовать, профессор?

— Нет, мне хочется посмотреть, что у нее внутри. Дайте-ка нож... Благодарю вас... Вот сюда, пожалуйста. Сейчас, я только натяну перчатки... Готово... Так-с... Минутку... Р-раз!

И Аинька выкатился на мягкий клеенчатый стол. Первое, что он увидел, — это молодое лицо и невыразимое удивление в карих, широко открытых глазах.

— Спасибо, — сказал Аинька.

— По-пож-жалуйста...

— Вы не скажете, в каком направлении находится Ростов-на-Дону?

Профессор машинально указал куда-то вправо и... упал без чувств на руки помощников.

— Еще раз спасибо! Я от Мастера ушел, от футболистов ушел, от Рыбы-шара ушел, от профессора ушел, а от Василько не уйду!—пропел Аинька и улетел.

Тут сдали нервы и у помощников: все они согласно грохнулись на палубу, рядом с профессором; и сверху казалось, что там лежит куча белых халатов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

История Венивидивицина

1

— Ну, что мне с тобой делать? — тоскливо спросил Василько, когда мы расположились у меня в кабинете.

— Вдвоем много можно сделать, — быстро ответил Аинька, — что захочешь!

— Да уж хватит! Натворили...

— Чем ты недоволен? — виновато проговорил Аинька. — Все твои желания я исполняю: даже невидимкой стал, чтоб не досаждать тебе.

— Не хочу я больше этого, понимаешь? Сам буду и уроки учить, и развлекаться. А то голова у меня стала безработной от такой шпаргалки, как ты!

— Но ведь ты не все умеешь.

— Для того и учусь в школе!

— А уговор? — упорствовал Аинька.

Василько только рукой махнул.

— Вот что, друзья, — предложил я. — Ты, Василько, иди домой и делай уроки сам, а мы с Аинькой и гроссмейстером тут... побеседуем. Хорошо?

— Ладно, — уныло согласился Аинька.

— Отлично! — вскочил Василько, торопливо попрощался и убежал.

— Какой он странный, — сказал Аинька.

— Скорей всего, ты сам странный, — засмеялся Венивидивицин.

— Не загибай, Мастер!

— Небось, в школе нахватался таких словечек, — заметил Венивидивицин. — Не станем ссориться, Аинька. Иди ко мне обратно!

— Нет, — ответил Аинька. — Я теперь сам по себе...

— А вот и нет! — возразил Венивидивицин. — Если б сам по себе, то еще полбеды. Но ты ведь Василько мешаешь жить.

— Я ему помогаю!

— Неужели ты хочешь, чтоб и Василько превратился в восковую фигуру?

— Нет, нет! — испугался Аинька.

— Тогда оставь его в покое.

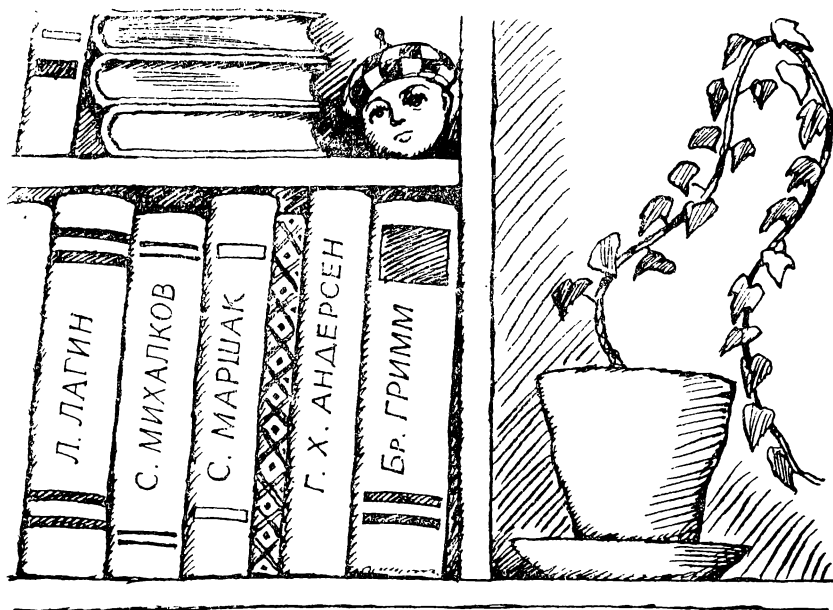
— Ладно, — подумав, ответил Аинька. — Оставлю.

— Теперь я вижу, что ты настоящий мужчина, малыш. Но пора и тебе отдохнуть — машине тоже это необходимо. Прощай!

— Хорошо, Мастер. Но мы еще увидимся. До свиданья...

Я отнес Аиньку к книжному стеллажу и положил его на видном месте.

— Теперь и мы сможем побеседовать, — сказал я гроссмейстеру.

— С удовольствием.

— Только я, с вашего позволения, запишу ваш рассказ.

2

— Говорят, что в науке и технике я кое-что смыслю...—скромно заметил Венивидивицин.—Еще в школе мне легко давались физика, математика, химия... Когда же я стал инженером, Каисса предложила мне почетную должность, и я согласился без колебаний. Но страсть к шахматной славе все более овладевала мною. Я добился первого разряда, а дальше дело замедлилось... И тогда...

— Ну, и что ж тогда?—подбодрил я гроссмейстера.

— Мне пришла в голову одна мысль! Я трудился годы... Все рассчитал до мелочей, а потом своими руками выточил каждую деталь и собрал его...

— Кого это — его?

— Человек уже далеко проник в космос, но для меня самым памятным событием навсегда остался запуск

первого искусственного спутника Земли. Так вот я подумал: а что если создать для себя лично маленький спутник, знающий шахматную игру? Будет лежать у меня в кармане небольшой шарик размером с теннисный мяч, будет он читать мои мысли и видеть фигуры на шахматной доске как бы моими глазами... подсказывать мне трудные ходы...

— Это, наверно, не совсем честно?

— Вы правы. Я жестоко наказан за свое честолюбие! Короче говоря, сделал я Волшебный Колобок. Аиньку. Ну, вы же знаете его... Он оказался веселым, бойким, я бы даже сказал — озорным. И все время порывался удрать от меня. «Ты же Мастер, — объяснил он мне свое желание. — Ты мой автор. А любое создание человеческого ума непременно стремится и должно жить своей жизнью, независимой от автора. Ну, что было бы, если б все книги лежали возле писателей, а машины цеплялись за своих конструкторов? Чушь! И ты меня не удержишь...» Я спрятал его в карман с застежкой-молнией и заставлял играть в шахматы за меня. А вообще, он многое умеет!

— Ну, и что же дальше?

— Вскоре я стал международным шахматным гроссмейстером и возгордился. Отправился по свету искать равного себе... И вдруг во мне стал исчезать интерес к шахматам: ведь победы доставались без всяких усилий. Потом наскучила и сама жизнь! Но я еще не понимал, что началась расплата за неограниченное исполнение моих желаний. Ведь если просто лежать на диване, то вскоре ноги и руки отнимутся, не так ли?

— Пожалуй.

— А я перестал работать головой, и она разучилась мыслить... Но и это еще не все. Однажды я почувствовал, как тело мое быстро восковеет. «Что происходит со мной?» — в испуге спросил я. «Не знаю, — несколько виноватым тоном ответил Колобок. — Через пять-десять минут ты превратишься в восковую фигуру, Мастер. Я не знаю, отчего, но это произойдет...»

— Неужели он сказал правду?

— Да еще какую! Разговор наш происходил возле краеведческого музея, и я успел забежать в него, найти даже укромный уголок, где находились чучела животных и птиц, стать у стены и... больше ничего не помню.

— Совсем?

— Ну да. До того момента, когда вдруг чихнул и... очнулся. Точно знаю, что чихнул, потому что даже подумал: «Уж не простудился ли я на сквозняке?..» Я был один, не считая, впрочем, какого-то мальчика, вероятно, напуганного моим оживлением. Как теперь выяснилось, это был Василько. Поняв, что я теперь уже больше не восковой, я обрадовался и быстро покинул музей. Выйдя из музея, я обнаружил, что со мной нет Аиньки: он все же сбежал, воспользовавшись тем, что я расстегнул карман... Да я и не жалею! Еще в детстве я слышал от мудрецов, что волшебство можно использовать только три раза. Если же, подобно мне, пытаться все время жить за счет волшебства — непременно растеряешь все человеческое и превратишься в восковую фигуру... Ну, вот то, что я хотел вам рассказать. Вы удовлетворены?

— Да, благодарю вас. А потом?

— Я снова стал играть в шахматы. Вначале я проигрывал чуть ли не всем. Но постепенно окреп, интерес к игре и к жизни вновь проснулся во мне, а вскоре я понял, что стал играть даже лучше, чем прежде, до того, как изобрел Волшебный Колобок: значит, я имел необходимую способность, но нуждался в дальнейшей тренировке, в игре с сильными партнерами, а не в подсказчике...

— Вы правы.

— А теперь... срок моего творческого отпуска истек, и я возвращаюсь к своим основным обязанностям... Прощайте!

Пожав мне руку, Венивидивицин произнес: «Инутама, инутама, акчолё» — и мгновенно исчез.

3

Проводив Венивидивицина (если можно назвать такое расставание проводами), я подошел к стеллажу, чтобы по-

желать Аиньке спокойной ночи, но его на месте не было. Неужто обманул?

Я не мог поверить в коварство Аиньки.

А вдруг с ним приключилась беда?

И тут я вспомнил о таракане. Пошел на кухню и громко позвал его.

Он вышел из-за горшочка с кактусом, что-то бормоча про себя и не поднимая головы. Я едва узнал его! Худущий, поблекший, с отвисшими усами...

— Внутреннее понимание внешнего содержания предшествует усвоению духовной пищи... — говорил он кому-то в пространство.

— Это еще что за «внешнее содержание»? — не утерпел я.

— Форма... — пояснил Блаттелла. — Форма художественного произведения! Это моя мысль номер тысяча тринадцать. Запишите ее, я разрешаю. Форма — это заговорившее содержание!

— Да, разумеется, спасибо. Вот что, Блаттелла, у меня есть к вам вопрос...

— Зато у меня нет к вам ничего, а это важнее! — высокомерно произнес охамевший таракан и так величественно удалился, что я растерялся.

Несомненно, этого наглеца стоило проучить. Достав из кладовки старую пластмассовую мышеловку, я зарядил ее кусочком сала и установил в том месте, где он исчез.

Расчет оказался верным. Не прошло и трех минут, как раздался щелчок, а затем и яростный вопль Блаттеллы.

Поставив мышеловку с пленником на стол, я неторопливо достал из пачки сигарету и со злобным видом принялся ее разминать.

— На колени, создание несовершенства и порочных страстей! — вопил таракан, явно адресуясь ко мне. — Я Писатель, Мыслитель и Творец!.. Ты пишешь книгу о тараканах, ничтожество, а я — о человечестве!.. Мое имя, напечатанное в журнале, возвысило меня над всеми тараканами мира, а твои книги затерялись среди тысяч других кро-

паний!.. Ну, что уставился? Может быть, еще и закуришь? Освободи мою ногу немедленно, ты едва не перешиб ее...

Я принес тубик волшебной полимиксиновой мази, освободил таракана и смазал пострадавшую лапку. Действие мази было столь сильно, что таракан вскоре успокоился.

— Послушайте, Блаттелла, от вас несет ночной фиалкой... Откуда этот запах?

— Вы ощущаете Аромат Славы! Только достойнейшие, вкушившие всемирной известности, источают его!

— Прошу вас, Блаттелла, — начал было я, но неблагодарный таракан демонстративно отвернулся, сложив передние лапки на груди, всем своим видом показывая нежелание разговаривать со мной. — Не потрудитесь ли объяснить свое хамское по отношению ко мне поведение? Осмелюсь напомнить, что именно я подготовил к печати вашу статью...

— ...А сократив ее на три четверти, обездолил человечество и настолько же уменьшил мою славу, — продолжал Блаттелла.

— Оставим творческую сторону возникшего спора, мне хотелось бы обратиться к вам как к руководителю Справочного волшебного бюро: где сейчас Аинька?

— Я уже оставил эту низменную работу! — напыщенно произнес таракан.

— Возможность знать обо всем, что происходит в волшебном мире, вы называете низменной?!

— Я стал Писателем, — ответил зазнавшийся таракан, — и теперь мне не к чему работать где-то...

— Но ведь вы опубликовали всего лишь одну статью, а не рассказ или роман, и уже возомнили себя кто его знает кем!..

— Зато я обнаружил в себе способность написать все, что захочу! — гордо воскликнул Блаттелла. — С меня достаточно одного этого сознания. Во мне таятся десятки романов, повестей и тысячи рассказов! Но я воздерживаюсь от писания из чувства жалости к таким, как ты. Если я полностью использую свой талант, то развитие литературы остановится... Мне жаль вас, ничтожные!

— Не бойтесь, Блаттелла, — прервал я. — Читателям нужны не разговоры, а книги...

— Ишь ты! «Книги»... «Читателям»... Обойдутся! Одному нравится то, другому—это, всем не угодить. Да еще критики начнут критиковать... А я не желаю волноваться и переживать — у меня нервы... Прочь с дороги! Я — само благородство. Я пронесу в себе целую библиотеку ненаписанных книг через всю свою жизнь во имя сохранения вашей литературы... Прочь!..

Только один раз еще довелось нам встретиться... Среди ночи вся моя семья проснулась от странного шороха, доносившегося из кухни.

Первым забежал туда я.

Тысячи тараканов облепили стены, газовую плиту, потолок, а на столе гордо держал речь... Блаттелла! Он действительно сделался знаменитостью в своем тараканьем мире и странствовал по кухням в окружении поклонников и поклонниц.

Величественно повернувшись в мою сторону, Блаттелла сказал:

— Видишь? Тебе не дожидаться такой славы даже в мечтах! Постарайся представить себе, что было бы, если бы ты не подвергал мое творение безжалостным сокращениям, а я не ответил бы добром на зло...

И он неторопливо удалился, уводя за собой легион почитателей. Через пять минут кухня приняла свой обычный вид.

С той поры я его не видел. Погиб ли он в столкновениях с врагами на витиеватых тараканьих путях или раздавлен славой — не знаю...

4

Ночь я провел неуютно, дважды просыпался и думал о том, какая страшная опасность угрожала нашему Союзу писателей, и о том, сколько в жизни интересного, неожиданного и волшебного. Как в шахматной игре: каж-

дая фигура ходит по правилам, клетчатое поле ограничено, а все же нет двух одинаковых партий!

Не зря Аинька так любит шахматы.

Но где же он сейчас? Сдержал ли он свое слово — оставить Василько?

Третий раз я проснулся, когда уже раннее солнышко стало слегка пригревать, и пошел в кабинет...

Смотрю, а мой Аинька на своем месте — на стеллаже между книгами.

— С добрым утром, малыш.

— Здравствуй.

— Где ты был ночью?

— Ночью? Какой?

— Вот этой, минувшей...

— Что уже прошла?

— Ну да.

— Интересная была ночь...

— Интересная? — насторожился я. — А ну, выкладывай, малыш.

— Как же можно выкладывать то, что уже прошло?

— Не юли, Аинька! Мы с тобой успели подружиться, и я хочу, чтобы ты был со мной откровенным.

— Во всем, во всем?

— Разумеется.

— Всегда-всегда?

— Конечно.

— И ты тоже будешь откровенным?

— Обещаю тебе, Аинька!

— Я был... я был во Внутреннем Мире Василько!

— Ты уверен?

— Да. И в твоём тоже.

— Зачем?

— Я хотел узнать: почему, как и насколько Внутренний Мир человека богаче, чем у машины? Какие у него транзисторы? Какие печатные схемы? Каковы главные отличия от техники?.. Но то, что я увидел, оказалось совсем другим.

— Прошу тебя, Аинька, расскажи! Ну, хочешь, я подарю тебе что-нибудь за это?

— Подаришь?

— Да.

— Но мне и самому хочется поделиться с тобой увиденным, — признался Аинька. — Подарок сделаешь в другой раз... Ладно? Я ведь сейчас его не заслуживаю, потому что мне самому не терпится рассказать!

— Хорошо, Аинька.

— Только не стой, пожалуйста. Садись за свой стол и, если хочешь, делай пометки. Будь серьезным и внимательным.

— Договорились.

— Я лежал-лежал, думал-думал и решил: побываю во Внутреннем Мире Василько, а потом оставлю его в покое и улечу куда глаза глядят. Василько уже уснул у себя дома... Я сделался маленьким-маленьким и осторожно влетел в его левое ухо... Сперва было темно, как в глубине океана, а потом — все светлее, светлее и...

А все же, друзья мои, если не возражаете, я подробнее опишу рассказ Аиньки. В следующей главе...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Алые паруса»

1

Предполагая увидеть во Внутреннем Мире Василько примерно то же, что и в Рыбе-шаре, Аинька не переставал удивляться, пока летел над тропинкой в густых зарослях бамбука. Вскоре он выбрался на узкую, длинную поляну у прозрачной, быстрой речки.

И все это — в голове человека!..

Пока Аинька размышлял, пытаясь объяснить такое странное явление, на том берегу заколебался кустарник, зеленая листва украсилась пестрыми птичьими перьями,

а секунду спустя оттуда с жужжанием вырвалась стрела, нацеленная прямо в Аиньку.

Волшебный Колобок мог увернуться, но был сделан из прочного металла и не боялся. Однако стрела... пронзила его насквозь без удара! Он не услышал даже слабого толчка!..

Это было необъяснимо. Аинька нагрелся от внутреннего напряжения, призвал на помощь все свои транзисторы и сложные печатные микросхемы, но понять ничего не смог.

Разворачиваясь вокруг своей вертикальной оси влево, он вдруг увидел... Василько! В голове Василько находился он сам!

— Я, наверно, заболел,—пробормотал Аинька,—и у меня началась галлюцинация...

— Ты здоров, Аинька,—сказал Василько.—Я не сам Василько, а его Здравый Смысл, как бы его «Я». Меня зовут Эго. Мне поручено управлять здесь всеми мыслями, мечтами и фантазиями...

Позади Аиньки раздались конский топот, гиканье, залихватский свист, и сквозь него промчалась кавалькада ковбоев.

Они сбили с ног Эго, а тот, что скакал в центре группы, раскручивал над головой лассо. Аинька всмотрелся в ковбоя: это тоже был Василько! Вот метнулась в воздухе веревочная петля и легла на плечи Эго.

Стрельбой из пистолетов ковбои приветствовали удачу; еще мгновение — и Эго уже волочился по густой траве. Все же ему удалось изловчиться и охотничьим ножом перерезать у себя за спиной веревку.

Кое-как освободился Эго от пут, крихтя и охая, поднялся на ноги и принялся приводить себя в порядок.

Вид у него был жалкий, он виновато улыбнулся Аиньке, но бодрым тоном произнес:

— Вот так и живем... Ах!..

Дело в том, что из-за раскидистого баобаба с толстым стволом показался мальчишка (точь-в-точь Василько!) и камнем из рогатки угодил прямо в лоб Эго.

Багровая шишка немедленно украсила место попадания, и Эго со стоном присел на пенек.

— Как ты смеешь?!—вскричал Аинька.—Это же твой Здравый Смысл.

Мальчишка показал им обоим нос из десяти растопыренных пальцев и визгливо крикнул:

— Прочь с Тропы войны, бледнолицые собаки! Я вождь краснокожих Черная Пантера, мне незнакомо чувство жалости и снисхождения...

— Тут он прав, — шепнул Аиньке Эго. — Надо смыться, пока целы...—и торопливо ответил мальчишке:— Да-да, благородная Черная Пантера, мы приветствуем тебя и подчиняемся.

И, подмигнув Аиньке, Эго заковылял вниз по течению реки. Аинька в задумчивости летел рядом, на уровне его лица.

Шишка на лбу Эго принимала... священную форму шара!

— Шарик на твоём лбу становится приятным украшением, — сказал Аинька.

— Ты находишь? — прибодрился Эго. — Спасибо на добром слове, но если б не моя ловкость, я бы давно превратился в шкаф с коллекцией подобных «украшений»...

— А почему ты вообще это терпишь? — спросил Аинька.

— Как тебе объяснить... — ответил Эго. — Во-первых, я Здравый Смысл и, следовательно, терпелив. Во-вторых, этот чертенок (я имею в виду своего хозяина, то есть настоящего Василько) такой озорник, каких еще свет не видал! Если я покину его — пропадет... Ну, а в-третьих, — поверь мне, Аинька! — то, что ты увидел сейчас, — это, право слово, самые нежные сценки в сравнении с тем, что было. Да-да, я все же оказываю благотворное влияние на Василько. — Эго остановился, чтобы перевести дух, и почему-то ласково посмотрел на собеседника. — А вообще, я весьма признателен и тебе, Аинька! Я унаследовал мудрость многих предков Василько, но тем не менее многим обязан и тебе...

— Мне?!

— Да. Ты более, чем кто-либо, помог мне в последнее время. Не стану отрицать: дорогой ценой, но помог.

— Как?!

— Позднее, мой друг, не торопись: всему свое время. Позволь мне довести свои размышления до конца.

— Я слушаю тебя, Эго.

— Так вот, думаю я, а нужна ли уже сейчас полная моя победа над всем Внутренним Миром моего хозяина?

— Нужна, наверно.

— Кто его знает... Возьми, к примеру, этого сказочника... Ну, что пишет книгу о моем Василько и о тебе...

(Читатель уже догадался, что речь зашла об авторе настоящего повествования. Не все, что говорилось обо мне в тот раз и после, приятно. Но писатель должен быть справедливым и не отходить от истины ни на йоту, тем более в сказке! Вот почему я пересиливаю себя и пишу все, вне зависимости от того, нравится мне самому это или нет).

— Конечно, знаю, — сказал Аинька. — Мы знакомы с ним. Он весьма рассудительный человек, этот сказочник...

— То-то и оно, — вздохнул Эго. — На одной рассудительности, без фантазии и озорства, далеко не уедешь. Во всем нужны какие-то границы... Вот ты побывай во Внутреннем Мире этого сказочника да сравни...

— Хорошо, — пообещал Аинька. — Непременно побываю.

— И еще одно соображение, — продолжал Эго. — Понимаешь ли, я же расту вместе с Василько и набираюсь опыта. Я сам многого еще не понимаю.

— Побольше читай книг: у сказочника их так много!

— Читаю! Но мир сложен, и весь его не вместишь и в миллиарды томов. Приходится познавать его самому. Однако вот мы побеседовали с тобой, и мне стало как будто легче...

В самом деле — шишка на лбу Эго уже сгладилась: осталось лишь едва приметное пятнышко.

— Быстро ты поправляешься, — похвалил Аинька.

— Иначе нельзя, — пояснил Эго. — Если я буду зло-

памятным или хилым, то пользы от меня, что от мыльного пузыря... Я готов к любым ударам, и в этом моя сила! — Эго пощупал лоб и добавил: — Вот и все в порядке, можно ускорить шаг...

2

За скалистым поворотом открылась панорама какого-то крупного завода или комбината. Выглядел он фантастично: никелированные переходы соединяли прозрачные корпуса и разноцветные башни. В затененных местах и на крышах мерцали огоньки, то угасая, то ярко вспыхивая или сияя ровным светом. Все это было покрыто огромным прозрачным куполом.

— Что там? — спросил Аинька.

— Самое великое творение природы — Мозг, — торжественно ответил Эго. — Здесь рождаются Мысли человека!.. Видишь провода и трубки? По ним поступают сюда сигналы от всех пяти органов чувств. Затем они где-то там обрабатываются, как-то там превращаются в Мысли, которые излучаются всей поверхностью купола.

— Все сразу?

— Может быть, и нет... Если всмотреться, то замечаешь, что общий купол не гладкий, как поверхность яйца, а многогранник. А на склонах, в долинах, даже в ущельях — видишь? — повсюду находятся приемные антенны... Они-то и взаимодействуют с гранями купола.

— Пойдем туда, — предложил Аинька.

— Ну, что ты! — усмехнулся Эго. — Туда еще никто не сумел проникнуть. Стараются, мечтают об этом, но... Что там — и я не знаю.

— Как же это все умещается в небольшой голове человека?! — удивился Аинька.

— Внутренний Мир человека практически не имеет границ и конца, как и реальный мир, в котором мы живем. Даже есть свои преимущества. В обычной жизни мы не можем вернуть вчерашний день, а я — могу! Мы с Василько можем все, что захотим, — ведь нет предела человеческому воображению...

— «Мы с Василько»? — усмехнулся Аинька. — Я уже видел, как он «сотрудничает» с тобой.

— Всякое бывает, — смутился Эго. — Конечно, у меня возможности пока невелики, но я не теряю надежды остепениться.

— Это верно, — согласился Аинька. — Ты надежный друг Василько, и я обязательно скажу ему об этом!

— Правда? Ты будешь не первым, кто говорит ему приятное обо мне, а все же... Смотри вперед: река впадает в Черное море. Мы уже у цели.

— У цели?

— Я хочу показать тебе кое-что интересное.

— А как называется эта река?

— Не имеет значения, — отмахнулся Эго. — У нас здесь своя география и вообще все — свое! Располагайся вон на том камушке и наблюдай. Отсюда все видно, как в кино: сидишь на месте, а перед тобой проносятся различные события. Да еще в цветном и объемном изображении.

— И со звуком?

— Ну, конечно. А я все-таки сбегая к врачу: все тело ноет. Пусть рентгенолог посмотрит, целы ли мои косточки?

— У вас и врач есть?

— Целая поликлиника: лаборатория, пищеблок, охотники за микробами, нервные связи, медики всех специальностей...

— Как я мало знаю, — грустно произнес Аинька. — Только в шахматах разбираюсь, да все равно проиграл Мастеру...

— Ты тоже еще молод, Аинька, — успокоил Эго. — Подрастешь — узнаешь. Ну, ладно. Скоро увидимся, а скучать не будешь, уверяю тебя...

3

В пионерском лагере «Алые паруса», что расположен на берегу черноморской бухты, — все морское.

Начальник лагеря — адмирал Емельян Четвертый.

Пионервожатые там именуются флагманами, а воспитатели — замполитами. Все пионеры в матросской форме; за плечами синеют гюйсы — мечущиеся по ветру воротники; у каждого бескозырка с лентами.

Сегодня в лагере праздник — День писателя Александра Грина. Ведь это он написал знаменитую повесть «Алые паруса» — гимн Мечте. Именинники сегодня и матросы из экипажа «Аврора» — пионеры-пятиклассники — участники сегодняшнего представления.

Вечер...

На деревянной пристани, на бухте канатов, в белом платье сидит Ассоль (ее роль играет Аделина, одноклассница Василько).

Перед ней адмирал Емельян Четвертый.

Ассоль круглолицая, с ямочками на щеках. Крупные карие глаза ее сияют вдохновением. Длинные вьющиеся волосы распущены и прикрывают плечи. Над левым ухом алая гвоздика.

— Не покидайте меня, адмирал, — просит Ассоль. — Я уже рассказывала вам, как однажды добрый волшебник предсказал мне, что настанет день и за мной приплывет корабль с алыми парусами и заберет меня в кругосветное путешествие... Это непременно должно произойти сегодня — предчувствие не обманывает меня.

— Хорошо, милая Ассоль, — отвечает адмирал. — Мы все будем рядом и разделим твою радость. Кто верит в Мечту, у того она сбывается непременно... Слышишь?

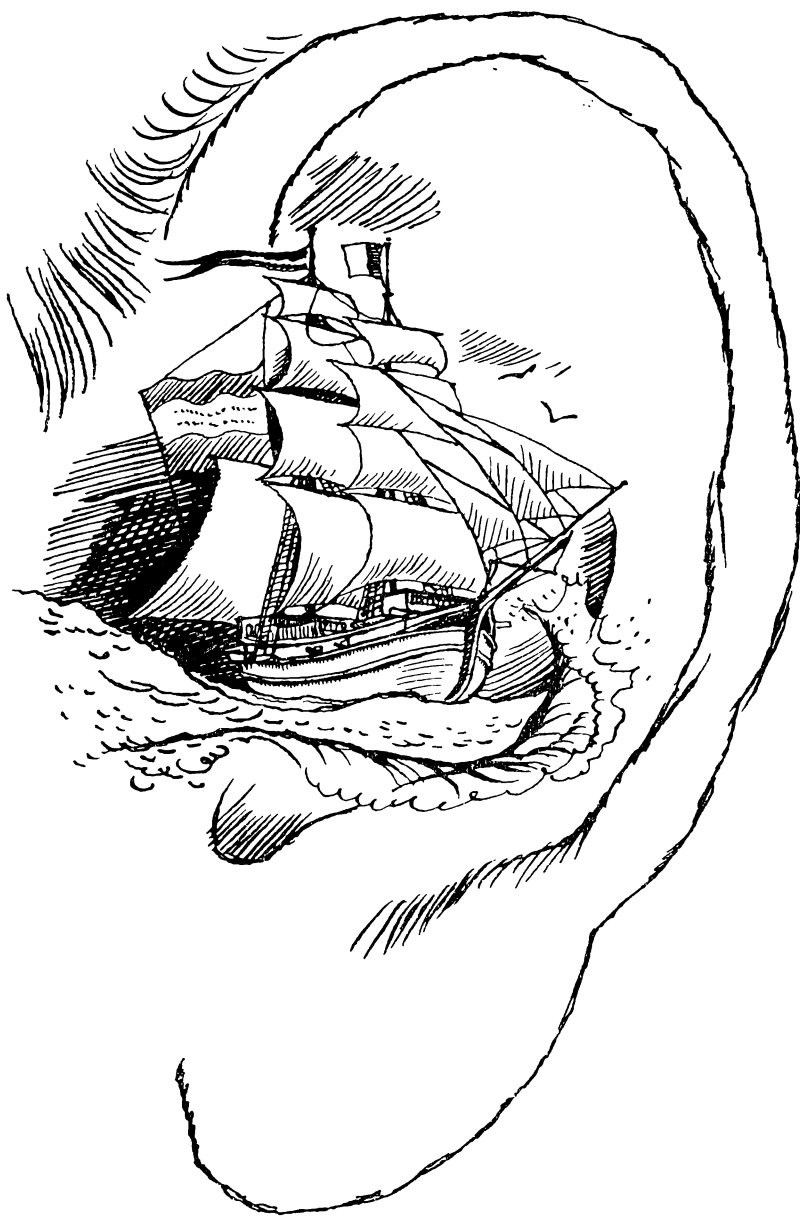
С сигнальной вышки раздался пушечный выстрел, предвещающий появление в пределах видимости какого-либо судна.

И верно: вскоре все заметили на горизонте... алые паруса.

— Ур-ра! Ур-ра-а!..

Корабль, подгоняемый попутным ветром, все более увеличивался в размерах и стал на рейде всего в полусотне ярдов от берега. На его борту золотом сверкало: «Секрет».

Минуто спустя от корабля отчалила шлюпка. На носу

ее стоял, скрестив руки на груди, бравый капитан в ослепительно белоснежной форме, с золотым кортиком в ножнах, совсем юный.

Аинька с любопытством смотрел на происходящее, и едва капитан сделал первый шаг по алой ковровой дорожке, что расстелили на берегу его матросы, — вскрикнул.

Это был... Митька Филателист.

Он подошел к адмиралу, и они обменялись приветствиями; затем Митька Филателист повернулся к Аделине и четко, чтобы слышали все присутствующие, произнес:

— Здравствуй, Ассоль! Я — капитан Грей. Мой корабль в твоём распоряжении, как и я сам. Позволь пригласить тебя на небольшую прогулку по всем морям и океанам... Я покажу тебе нашу планету со всех сторон!

— Я согласна, — говорит Ассоль и вопросительно смотрит на адмирала.

— Плыви, Ассоль, — отвечает на ее немой вопрос Емельян Четвертый. — Попутного ветра и удачи в твоих странствиях!

— Попутного ветра! — кричат ей вслед все.

Ассоль опирается на руку капитана Грея и робко ступает по алой ковровой дорожке: ее Мечта осуществляется, она счастлива.

Доволен и капитан Грей, хотя взгляд его слегка обеспокоен: густой туман уже затягивает бухту, не мешало бы поторопиться.

Вот уже они взошли на борт, слышна команда Грея: «Поднять паруса!», — и словно фантастические алые цветы распустились высоко над палубой.

— Попутного ветра!.. — машут им ребята бескозырьками.

И вдруг...

Из тумана вырывается трехмачтовик с мрачными черными парусами, с золочеными клотиками и флагом с черепом и скрещенными костями.

Стремительно взяли на абордаж пираты судно Грея; короткая стычка — и на глазах у всех пираты перенесли на

свой корабль бесчувственную Аделину и связанного по рукам и ногам Митьку Филателиста.

Сражением хладнокровно руководил с капитанского мостика человек в маске. А когда дело было сделано, он неторопливым, даже изящным движением снял ее, и на берегу мгновенно воцарилось гробовое молчание: это был... Василько, ученик пятого класса школы № 100, пионер из экипажа «Аврора».

Он горделиво и насмешливо глянул на своих друзей и флагманов на берегу и велел отчаливать.

Адмирал нахмурился и отдал какое-то распоряжение своему ординарцу, тот опрометью кинулся на сигнальную вышку.

А классная руководительница, она же математичка Надежда Ивановна, восторженно крикнула с берега:

— Я всегда говорила, Василько, что из тебя получится разбойник!..

Василько сдержанно поклонился ей в знак признательности, и густой туман поглотил злодейский корабль.

4

Капитанская каюта. Аделина медленно приходит в себя и беспомощно осматривается. Рядом с ней сидит Василько. Лицо его неподвижно и непроницаемо.

— Ах, это ты...

— И да, и нет, — вздыхает он.

— Как понять эти слова?

— Я... Вас-Иль-Ко, гроза южных морей и океанов. Я хотел оставаться мирным жителем, зарабатывающим четверки и пятерки...

— Не так давно ты заработал двойку, — напоминает Аделина, окончательно приходя в себя и приподнимаясь.

— Я всегда получаю только то, что хочу сам, — сурово замечает Вас-Иль-Ко. — Но оставим это: теперь оно в прошлом... Некоторые обстоятельства вынудили меня поднять черные паруса...

— Что ты сделал с Митькой?..

— О, можешь о нем не беспокоиться! Он жрет десятую порцию мороженого...

— Может быть, ты и меня угостишь?

— Тебе я могу предложить и большее, — загадочно ответил Вас-Иль-Ко и нажал кнопку в углу дивана.

Одна из стен каюты раздвинулась, и в лучах ламп дневного света в просторной нише засверкали груды драгоценных камней, прекрасные изделия из золота и серебра.

Аделина подбежала к сокровищам, долго ворошила их и откровенно восторгалась.

— Все это твое, — небрежно бросил Вас-Иль-Ко.

— Если позволишь, — сказала Аделина, перелистывая толстый альбом в кожаном переплете с золотыми застежками, — если позволишь, я возьму эту коллекцию марок...

Потемнело обветренное и мужественное, покрытое шрамами — следами былых сражений — лицо Вас-Иль-Ко.

— Бери, что хочешь, — глухо проговорил он и повернулся к микрофону на стене: — Курс на Космодром!

— Есть, капитан! — хрипло отозвалась стена. — Мы в двух кабельтовых от него...

5

Они вышли на палубу втроем: Василько тонко рассчитал свою предстоящую месть. Пусть и этот маркособиранатель ощутит его могущество!

— Где же твой Космодром? — насмешливо спрашивает Митька. — Вокруг одна вода...

Вас-Иль-Ко величественно двинул рукой, и со дна морского уже поднимается искусственный стальной остров. С его овальной поверхности с яростным шумом и дьявольскими всхлипами сбегает тысячетонные потоки воды и, ударяясь о поверхность моря, превращаются в белое облако мельчайшей водяной пыли, отсвечивающей всеми цветами радуги.

Теперь отчетливо видно огромное тело звездолета, покоящееся на ажурных опорах. Едва рассеялась водяная

пыль, как опоры пришли в движение и поставили космический корабль вертикально.

Вас-Иль-Ко глянул чуть вправо, и с десятков головорезов, чьи ужасные физиономии повергали Аделину в трепет, а Митьку Филателиста наводили на мысль о том, что виселица была бы для них слабым напоминанием о совершенных злодеяниях, кинулись стягивать брезент с какого-то сооружения.

Еще миг — и перед взорами недавних друзей предстал черный вертолет с белой эмблемой смерти на борту и лопастях.

— Прошу,—галантно приглашает в кабину Вас-Иль-Ко.

— И мне? — с надеждой спрашивает Митька.

— Почему бы и нет?... Пожалуйста!

Всего в сотую долю секунды был восторженный взгляд Аделины, брошенный в сторону вожака пиратов, но он не укрылся от зоркого и внимательного «джентльмена удачи», как любили себя именовать, да и сейчас именуют, не только морские разбойники...

Перелет с палубы пиратского парусника, видевшей множество сражений, на Космодром занял не более трех минут.

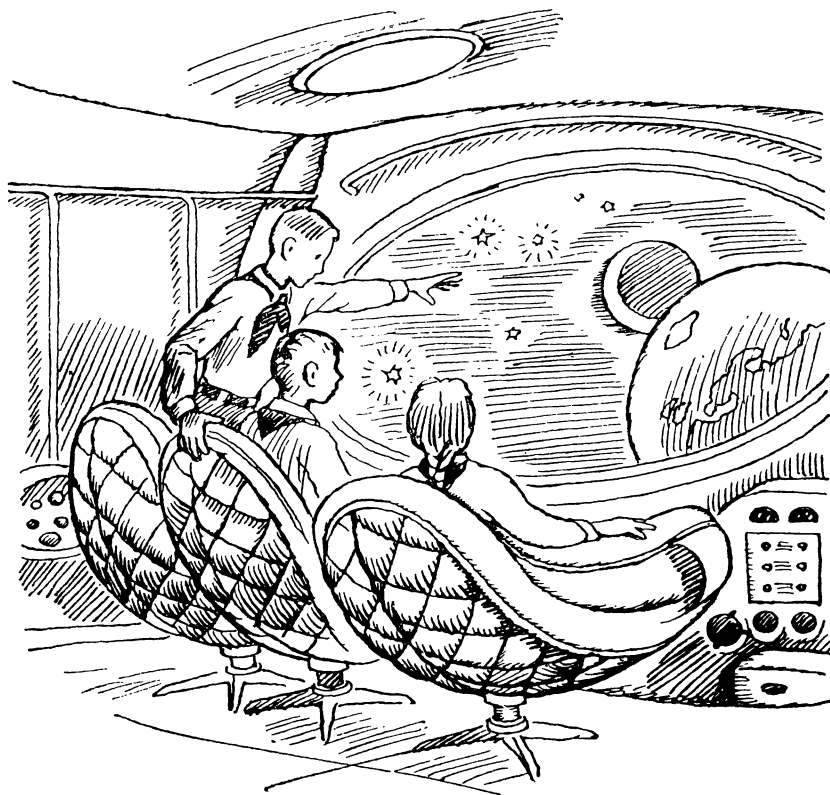
Серебристый лифт гостеприимно принял их и стремительно вознес к кабине космического корабля.

У входа они оделись в алые скафандры, вошли в уютное гнездышко космонавтов и легли в удобные кресла.

Наступила тишина, прерываемая лишь тиканьем секундомера и предстартовым отсчетом. Где-то далеко внизу послышался мощный гул, сравнимый разве что с гулом землетрясения, и уже несколько секунд спустя все трое — Аделина, Митька Филателист и Василько — плавали в невесомости у больших иллюминаторов.

В звездном рое на черном фоне космоса сверкала Голубая Планета...

— Митька... Виноват, капитан Грей, — повернулся к Аделине Василько, — хотел показать тебе нашу планету со всех сторон... Не знаю, как собирался он выполнить свое обещание, но вот, смотри... Земля у твоих ног, и ты мо-

жешь сделать вокруг нее столько витков, сколько пожелаешь!

— Ты неподражаем, Василько, — сказала Аделина. — И, знаешь, что?.. Я буду отныне собирать марки только космической серии!

Василько помрачнел и решительно скомандовал:

— По местам! Хватит с вас...

— Давно бы так, — одобрил Аинька, наблюдая за ними. — А то нянчится с этой девчонкой-задавакой!..

6

Остров Забвения, затерянный в пустынной части Тихого океана среди двадцати тысяч других островов. Где-

то южнее экватора, но севернее Австралии, восточнее Ростова-на-Дону, но западнее Нью-Йорка.

Сюда удалился от мирской суеты наш Василько. Здесь, на необитаемом клочке суши, проводит свои дни в гордом одиночестве юный ростовчанин, подобно Робинзону. Верного друга Пятницу ему заменяет сверхтехника Будущего.

За считанные секунды вагончик фуникулера — канатной железной дороги — доставит Василько на десятикилометровую высоту единственной горы острова. Плавнo и неторопливо эскалатор опустит его к центру Земли.

Одноместная подводная лодка всегда к его услугам в уютной бухте; вертолет в двух шагах от его сорокаэтажной хижины, сверхзвуковой самолет — на бетонной поверхности аэродрома.

Стоит нажать кнопку — и автоматические повара угощают его обедом, завтраком или ужином; другие кнопки удовлетворят другие желания.

Но Василько был глух ко всему. Лишь объемный цветной телевизор с экраном во всю стену удостаивал он своим вниманием. Да и то включал его только для того, чтобы посмотреть «Клуб кинопутешествий», «В мире животных», «Очевидное — невероятное» или мультики.

А на ровной возвышенности крутого побережья издали виднелся огромный Сфинкс — лежащий лев с головой человека, наподобие Большого Сфинкса в Египте.

Только сделан он был не из камня, а из прочной цветной пластмассы, и лицо у него было не египетского царя — фараона, а самого Василько. Грустный взгляд гигантской скульптуры всегда устремлен не на восток, как у египетской, а на запад, в сторону Ростова-на-Дону.

Никто не разгадал тайну усмешки, застывшей на устах Каменного Сфинкса, что неподалеку от Каира, но стоит лишь взглянуть на улыбку Сфинкса-Василько, чтобы понять: только он знает цену женского легкомыслия и неумения отличить настоящего мужчину от филателиста.

Только он...

- Ну, как? Интересно? — спросил Эго.
- Ты уже пришел? Хорошо тут у вас... Что сказал врач?
- Все в порядке.
- То, что я видел, на самом деле было?
- Нет, Аинька, только в мечтах... Но без мечты человек ничего не добьется...
- А чего же тут добиваться? Разбойничать?
- Этого я не допущу, — заверил Эго. — Но видеть себя сильным, могущественным не вредно. Не говоря уже о том, что пираты, которых ты наблюдал, обрушивают свой гнев лишь на угнетателей, а простых людей они не трогают, а даже защищают.
- Ну и видик у этих защитников! — заметил Аинька.
- Бывали и пострашнее... Ладно, идем, я покажу тебе, что произошло уже не в забавах воображения, а на самом деле... Твоя работа... Вот сюда, левее... Видишь?
- Что это?! Музей восковых фигур?
- Хорош музей! — сурово произнес Эго. — Здесь собраны те мысли и желания Василько, которые ты за него выполнял с помощью своего волшебства. Вон сколько наворочал!
- Ой! — ужаснулся Аинька. — Это они превратились в восковые фигуры, как мой Мастер!.. Если бы я мог предвидеть такое, давно бы отстал от Василько. Я больше не буду!
- То-то же!
- Прощай, Эго.
- Прощай. Не забудь забраться в левое ухо этого сказочника.
- Я сейчас туда и направляюсь...

В моем Внутреннем Мире Аинька пробыл недолго.

— Это потому, — объяснил он мне после, — что там все у тебя четко распланировано и все на виду. Никаких

закоулков. Если тропинка — то посыпанная песком, если дорога — то везде светофоры и регулировщики. Все безоговорочно подчиняются твоему Эго. Кругом порядок, лозунги, нравоучительные цитаты, изречения великих людей по краям дорог, как рекламные щиты. Скучища!

— Но в свое время, — прервал я, — мне доводилось увлекаться приключениями и фантастикой... Неужели ничего не осталось?

— Осталось, — успокоил меня Аинька. — В картинной галерее... В золоченых рамах есть даже картинки, написанные масляными красками!..

— Гм... И об алых парусах я мечтал... Неужто и они не сохранились?

— Видел: маленький такой сувенирный кораблик с алыми парусами, из пластмассы.

— Да что же это творится в моей голове? — огорчился я. — Нет ни одной живой, озорной мысли?

— Есть, и даже не одна. В зоопарке...

— Где?!

— Ну, это я так назвал... У тебя озорные, как ты говоришь, мысли находятся в клетках, а твой Эго иногда выпускает их на прогулку и поначалу присматривает за ними.

— Почему же поначалу, Аинька?

— Потому что их вскоре окружают твои дети, внуки и внучки, бесцеремонно тормозят их и высмеивают, пока они сами не возвращаются в свои клетки...

— Внучки?!

— Да нет, твои озорные мысли.

— Так-с... Ну, а что же мой Эго? Какое впечатление произвел на тебя он?

— Да, в общем, ничего... Знаешь, он такой вежливый, сладкоречивый и совсем не обидчивый. А уж когда твоя жена появляется, твой Эго становится совсем предупредительным и осторожным...

— Ну-с... беседовал ты с ним?

— Разумеется. Он говорит, что всякие там алые паруса, мечты — детская забава, не больше.

- Так и сказал?
- Да.
- Впрочем, в этом есть доля правды, Аинька.
- Тогда непонятно: как без веры в Мечту ты пишешь свои книги?
- Многие писатели так сочиняют, не я один...
- И еще знаешь: в тебе уже нет... — ну, ни капельки!.. — пионерского.
- Неудивительно, Аинька: у меня возраст, так сказать, пенсионерский.
- А для чего люди взрослеют?
- Если бы я мог ответить... Сам не знаю! — сказал я и постарался сменить тему беседы. — Какие же планы возникли у тебя?
- Знаешь что, подамся-ка я лучше к футболистам. Мне Футбольный Мяч рассказывал: вот они любят, чтобы их желания исполняли немедленно! А раз так, значит, это им не опасно? Они ведь не знают конца своим желаниям, а я больше всего на свете люблю бесконечное...
- Не делай этого, Аинька, — мягко возразил я. — Волшебное и неограниченное исполнение желаний опасно любому человеку, даже футболисту. Разве у тебя нет иной мечты?
- Есть...
- Ну-ну... Будь откровеннее, малыш!
- Я хочу все знать! Не только шахматы...
- Прекрасно. Для чего?
- Для чего? — Волшебный Колобок задумался.
- Может быть, ты все же ответишь мне? — напомнил я, когда, по моему мнению, молчание стало затягиваться. — Машины должны думать быстро.
- А я думаю: даже подсчитываю, сколько свободного места в моем отделении Памяти... Готово! Девяносто семь целых и семьсот восемьдесят две тысячных процента у меня пусто. Я хочу все это заполнить информацией, или, как говорят люди, знанием.
- Похвально, малыш! — одобрил я. — Об этом все мечтают.

— И ты тоже?

— И я.

— У тебя тоже много пустого места в голове? — по-любопытствовал Аинька.

— Гм... Затрудняюсь сказать, сколько именно, — неохотно ответил я, — но возможность пополнить свои знания есть и у меня...

— В твоём Внутреннем Мире все разложено по полочкам, — заметил Волшебный Колобок, — такой порядок, что сосчитать можно быстро. Хочешь, я это сделаю сейчас? Мне так хочется узнать, у кого из нас голова пустее!..

— Не стоит, Аинька. Здесь следует учесть одну важную особенность человеческой памяти: то, что не очень необходимо, — забывается, и как бы освобождается место для новых знаний, в которых человек нуждается именно сейчас...

— А забывается — это, значит, переходит в картинную галерею? — спросил Аинька. — Ту самую, что я видел у тебя?

— Возможно, возможно... Однако продолжим. Насколько я понял, ты стремишься найти свое место в этом мире?

— Ещё не стремлюсь, потому что пока мы только разговариваем, но хочу этого.

— Весь окружающий нас мир, Аинька, состоит из неживой природы, растительности и животного царства, человека и техники.

— И техники? — переспросил Колобок.

— Да. Её стало так много, и она так сильно влияет на всю окружающую нас природу, на жизнь вообще, особенно — человека, что даже вся Земля как бы ощущает её!

— А есть ли внутренняя связь между нами? — спросил Аинька и уточнил: — Между человеком и техникой?

— Думаю, что есть... На мой взгляд, самая близкая связь — это шахматы...

— Восемью Восемь? — обрадовался Аинька.

— Да. Шахматы — это борьба в чистом виде, так ска-

зал великий ученый Карл Маркс. А борьба есть преодоление любых препятствий — без этого не проживешь... Вот почему шахматы полезны всем. И вообще — все можно сравнить с игрой в шахматы. Скажем, захотелось тебе побывать в кино... Ты «играешь», допустим, белыми фигурами. Понял?

— Конечно.

— А обстоятельства, связанные с исполнением твоего желания, «играют» черными фигурами. Делай первый ход...

— Ну... Я... читаю в газете, где какой фильм идет.

— А я, «играя» черными, скучному фильму дам веселое название.

— Но я этого не знаю и отправляюсь в кассу...

— А билетов нет!

— Обращусь к администратору.

— Администратор ушел.

— Попрошу контролера.

— Делаю «ход черными»: контролер без билета не пропустит.

— Пролезу незаметно, прямо в зрительный зал...

— А я отключу свет и объявлю «шах»!

— Я включу его и устраню неисправность.

— Ладно, Аинька, так и быть: я подсовываю тебе скучный фильм и объявляю...

— Мат! — огорчился Аинька.

— Не расстраивайся, малыш, ты можешь и выиграть, если все-таки фильм понравился: ведь вкусы у всех разные. Я просто разыграл эту «партию», чтобы доказать тебе свою правоту. Главное в том, что в шахматной игре мозг человека работает очень похоже на самые совершенные «считающие», «думающие» машины. Но пока машины играют в шахматы слабее человека.

— Стоп! — вскрикнул Колобок. — Не продолжай. Я отправлюсь в путешествие, буду искать лучших игроков и учиться у них шахматной игре! Ладно?

— Великолепно, Аинька! Это принесет только пользу...

— Я обогащу свой Внутренний Мир и обыграю Мастера! — закончил Аинька.

— Вот чего ты захотел...

— Да. У меня тоже появилась своя мечта, есть алые паруса!

— Ну, что ж. Желаю успеха!

— Спасибо. И тебе — тоже.

— Пожалуй, ты единственная машина, умеющая мечтать.

— Это оттого, что я не простая машина, а волшебная, и хочу доставить радость детям, ну, и взрослым тоже...

Аинька закружился по комнате и звонким голосом запел:

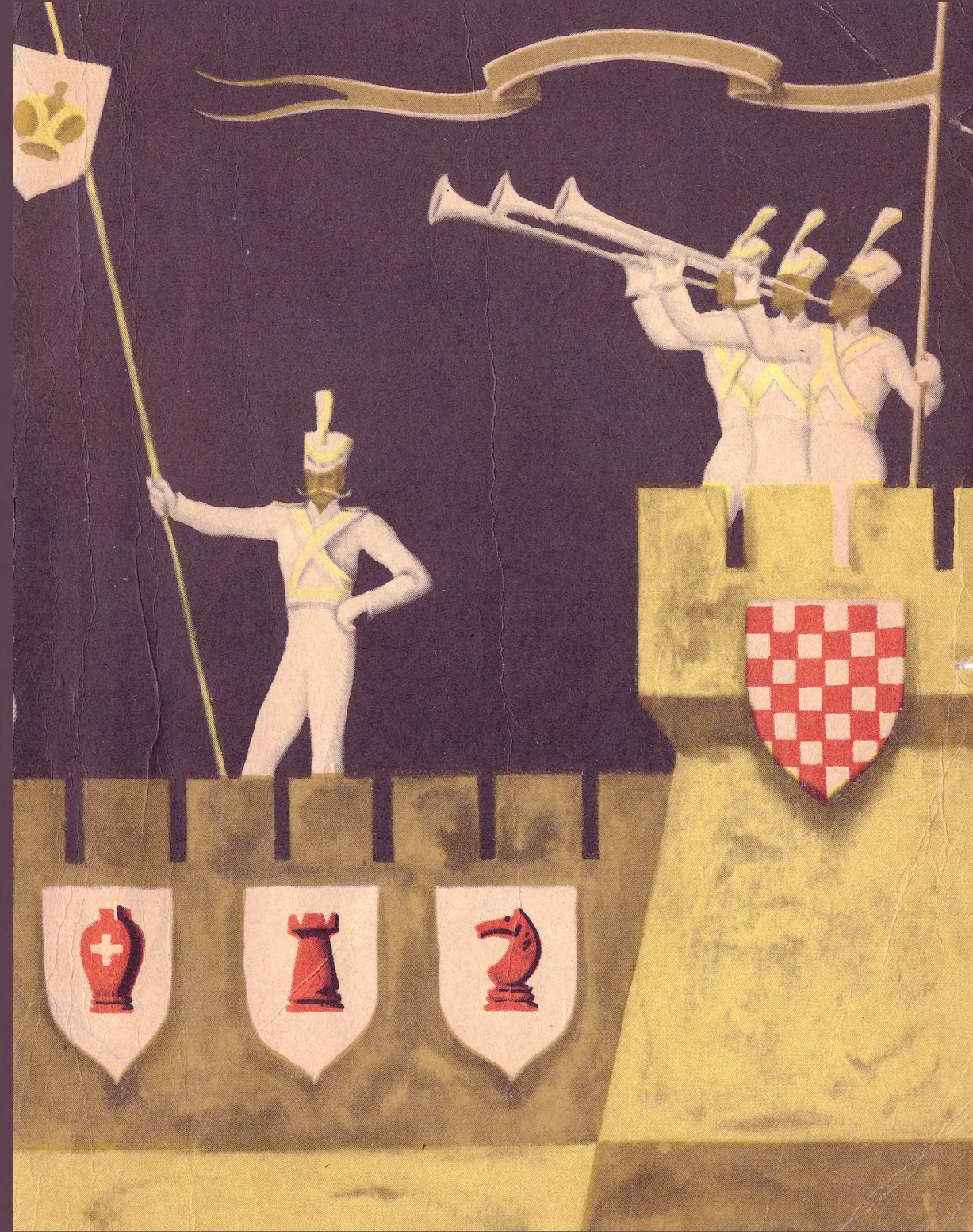
Я — Аинька, не паинька,
Но и не сорванец;
Начало — это Аинька,
Не любящий конец...
В том смысле, что конца
Не знает дело славное,
Начало — это главное
Даже у кольца.
Ох, люблю подраться я
На шахматной доске!
В игре, готов признаться я,
Борьбу ценю, как все...
В том смысле, что конца
Не знает дело славное,
Начало — это главное
Даже у кольца...
И полечу по свету я
Сражаться, не боясь,
На проигрыш не сетуя,
В победе — не гордясь.

— Прощай, сказочник! — весело крикнул Волшебный Колобок, нацелившись улететь в открытую форточку. — Вот напишешь свою новую сказку, и она тоже покинет тебя, а я с ней где-нибудь встречусь!..

— Прощай, Аинька!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая, в которой обязательно что-нибудь происходит	5
Глава вторая. Василько с улицы Буратино	9
Глава третья. Восемью Восемь	17
Глава четвертая. В зале «Животный мир»	26
Глава пятая. Дальнейшие приключения Василько	34
Глава шестая. Подвиг	51
Глава седьмая. Похождения Аиньки	63
Глава восьмая. История Венивидивицина	74
Глава девятая. «Алые паруса»	83

Цена 20 коп.

Для младшего школьного возраста

Петроний Гай АМАТУНИ

ТРЕБУЕТСЯ КОРОЛЬ

Редактор В. В. Безбожный
Художественный редактор З. А. Лазаревич
Технический редактор Л. М. Криволапова
Корректор Е. Г. Харченко

ИБ 248.

Изд. № 1/12918. Сдано в набор 3/I 1977 г. Подписано к печати 4-III 1977 г. Формат 70х90/16. Бумага тип. № 3. Объем 6,5 физ. п. л., 7,6 усл. п. л., 5,31 уч.-изд. л. Тираж 50000. Заказ № 2. Цена 20 коп. Ростовское книжное издательство, г. Ростов-на-Дону, Красноармейская, 23. Типография им. М. И. Калинина Ростовского управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Ростов-на-Дону, 1-я Советская, 57.

Обложка отпечатана на фабрике цветной печати им. Ильича, г. Ростов-на-Дону, Энгельса, 18.